

РОМАН НИКОЛАЕВИЧ КРИВКО

ФУНКЦИИ БУКВЫ ψ В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ
РУКОПИСЯХ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НА МАТЕРИАЛЕ
БЫЧКОВСКО-СИНАЙСКОЙ ПСАЛТИРИ)¹

В настоящей работе предпринята попытка описать и осмыслить одно орфографическое явление – употребление буквы ψ в Бычковско-Синайской псалтири XI в. (далее БСП) с учетом всей графико-орфографической системы источника и в контексте современных ему языковых процессов. БСП состоит из трех частей (РНБ, Q. п. I.73; Sin. Slav. 6.0²; Sin. Slav. 6/N; Сводный каталог, № 28, 71; Христова 1991; Tarnanidis 1988, 109–110) и написана тремя основными писцами. В Сводном каталоге (№ 28, 71) и в новейшей исследовательской традиции (Зализняк, Янин 2001, 19; Тодоров 1990; Кривко 1996; 1998₁; 2004; 2004₁) памятник датируется XI в. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что функции буквы ψ в древней славянской письменности на удивление редко привлекали к себе внимание исследователей. Как правило, рассмотрение сложного вопроса об ижице ограничивалось лишь беглым обзором (Вайан 2002, 39–40; Lunt 1955, 20; Осипов 1972, 58–100). В 1882 г. ижице была специально посвящена короткая заметка А. И. Соболевского (Соболевский 1882, 242–243), где проблема фонетического значения ижицы решалась в сопоставлении с греческой буквой ν . А. И. Соболевский доказал, что в ряде восточнославянских рукописей ижица имела значение, тождественное значению буквы ψ после букв согласных (Соболевский 1894, 30; 1907, 41). Позднее исследователями отмечалась неопределенность значения ψ в грецизмах с исконными oi и u : буква ψ в них произносилась “или как i после палатальных согласных <...>, или как u без палатализации предшествующих согласных. <...> значение букв ψ и ψ первоначально было одинаковым”, так как в ряде рукописей “буква ψ использовалась в значении ψ и наоборот” (Дурново 1926, 687–688). Что значит здесь “первоначально” и когда и почему изменилось значение буквы ψ , осталось неясным.

П. Дильс объяснял неопределенность фонетического значения буквы ψ отсутствием единообразия в произношении греческого ν , наметившимся уже в IX–X вв. (Diels 1932, 27–29). Анализируя отдельно случаи употребления буквы ψ вместо ψ в Sin. и Супр. в славянских лексемах, П. Дильс не исключал в них возможность ошибки, однако при этом проницательно усматривал вероятность адапта-

ции греческого письма к славянской фонетике (Diels 1932, 41–42). А. М. Селищев (2001, 96) считал, что “устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком **Ѣ** (ѣ, ѣ) передавали гласный \ddot{u} (ü), соответствовавший греческому υ в его архаическом, книжном, произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством **ѣ** (ѣѣ)” (Селищев 2001, 96). Неясно, как согласуется это предположение относительно изменения произношения буквы **ѣ** во времени ([\ddot{u}] → [u]) с другой гипотезой, согласно которой звук [\ddot{u}] использовался “в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и вводивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей υ : в речи одних – \ddot{u} , в речи других – i , u (ѣѣ)” (Селищев 2001, 94).

Проблема произношения буквы **ѣ** в грецизмах старославянских рукописей рассматривалась и позднее (Верещагин 1967; 1967₁). Правда, при этом отмечалось, что ижица встречается “исключительно в греческих по происхождению лексемах, включенных в славянский текст” (Верещагин 1967₁, 61). Звуковое же значение буквы **ѣ** в древнейших старославянских текстах, как считал Е. М. Верещагин (1967, 56–58; 1967₁, 61–63), соответствует классическому произношению греческой υ как [\ddot{u}] в речи билингвов (Верещагин 1967₁, 63). Гипотеза, что буква **ѣ** произносилась как i , убедительна при наличии достаточных типологических параллелей³. Идеи об изменениях фонетического значения буквы **ѣ** нашли развитие и надежное подтверждение в статье Х. Микласа (Miklas 2002, 298). Многочисленные работы западноевропейских ученых, в которых шла речь о функциях буквы **ѣ**, были обобщены Ю. Нуорлуото (Nuorluoto 1994, 104–110; 1995–1996, 308–309), который пришел к выводу, что в первоначальной глаголице был один монограф для обозначения фонемы <u>, а именно **Ѣ** (т. е. второй элемент диграфа **ѢѢ** (ѣѣ), который сближается с ижицей и вместе с тем по форме похож на **Ѣ** – **Ѣ**). К этой букве впоследствии были добавлены диграф **ѢѢ** (ѣѣ) и монограф **Ѣ** (ю), чьи функции стали в результате смешиваться друг с другом (Nuorluoto 1994, 104–109; 1995–1996, 308). Эта гипотеза позволила ученому объяснить целый комплекс орфографических явлений, в том числе непоследовательное употребление букв **ѣѣ** – **Ѣ** после букв шипящих и **ѣ** или смешение букв **ѣѣ** – **Ѣ** (Nuorluoto 1994, 109).

Остается открытым вопрос, какие славянские смысловозначительные отношения передавала буква **ѣ** и каковы были ее функции в

дошедших до нас письменных памятниках. Для ответа на него необходимо рассмотреть использование буквы Ү не только в грецизмах, но и в написании славянских лексем, в противном случае значение буквы Ү может толковаться по-разному. Так, А. Вайан (2002, 38) указал, что буква Ү “встречается исключительно в греческих словах при передаче *υ* и *οι*”, не заметив написаний с Ү в славянских лексемах и во флексиях морфологически адаптированных грецизмов. Он считал, что “[г]реч. *υ* (и *οι*), древнее *ii* (франц. *и*), к эпохе старославянского языка, несомненно, совпало в своем произношении с *i*” (Вайан 2002, 39–40). Такие противоречия неизбежны, если сознательно или несознательно ограничивать материал исследования только грецизмами или только славянской лексикой и при этом уделять внимание какой-либо одной стороне письма: фонологической или графической⁴. На сегодняшний день существуют лишь три основательные работы, где обстоятельно изучена буква Ү в славянской лексике (Колесов 1973; Гольщенко 1982; 1987, 143–178), которые будут рассмотрены ниже по ходу изложения, так же, как и статья А. Б. Страхова (2001, 16–22), построенная на исключительном внимании только к орнаментальным приемам оформления строки.

Сразу заметим, что установить точное произношение буквы Ү не после букв твердых согласных в древнеславянских рукописях мы считаем невыполнимым, так как каждый из этих аллофонов фонемы <u> был возможен в позиции между исконными палатальными или палатализованными: [u], [ü], [ụ]. (Нельзя также исключать “классическое” греческое чтение [ü].) Степень продвижения в передний ряд аллофона фонемы <u> установить нельзя, так как позиционное варьирование не отражается на письме. Вообще, “что касается аллофонного варьирования, то его реконструкция вряд ли осуществима <...> сравнительно-историческим методом” (Кудрявцев 2002, 91)⁵. Следовательно, вопрос о функциях славянской буквы Ү может положительно решаться только в фонологическом, смысловозначительном, а не в фонетическом контексте. При этом употребление буквы Ү как эквивалента ю или оу (ѣ, ѣ) определяется особенностями обозначения на письме тембровых отношений, связанных с наличием трех типов силлабем: нейтральных (сочетания палатального согласного с гласным переднего ряда), бемольных (сочетания веляризованного согласного с гласным непереднего ряда), дизных (сочетания либо палатализованного, либо невеляризованного и непалатализованного, т. е. “полумягкого”⁶, согласного с гласным переднего ряда) (Кривко 1998; литература). Исходя из этой структуры,

буква ψ как эквивалент ю или оу может обозначать фонему $\langle u \rangle$ либо в одном, либо в двух, либо во всех трех типах силлабем.

Буква ψ (ν) употребляется всеми основными писцами БСП. Наиболее часто и последовательно используется она во втором почерке, причем, как правило, только в грецизмах с исконными ν или oi : егѣптѣ 96об., ѣгѣптѣ 97об., егѣптѣ 64, егѣпта 67об. (выцветшая буква ν читается на фотокопии плохо, возможно, правильным чтением должно быть егѣпта), ѣгѣпта 101об., ѣгѣптѣ voc., 124, ѣгѣптѣскѣ 124об., егѣптѣсѣѣ 64; ср. греч. *Αἴγυπτος*; (иноплеменники) тѣри ∴ / (74, *ἀλλόφυλοι καὶ Τύρος*); вавѣлона 74; ср. греч. *Βαβυλῶν*; фѣникѣ 82; ср. греч. *φῶνιξ*; скѣмени 94; ср. греч. *σκύμνος*; мѣѣса 96об., мѣѣси 100; ср. греч. *Μουσηῆς*; тѣ/ѣпанѣ 68, тѣ/ѣпанѣ 132об.; ср. греч. *τύπανον*; кѣмвалѣхѣ 132об.; ср. греч. *κύβαλον*. Обращает на себя внимание написание скѣптѣрѣ Sin. Slav. 6/N, 16 (ср. греч. *σκήπτρον*), которое стало возможным благодаря отсутствию устойчивой традиции и нормы произнесения грецизмов с исконными ι , ν , η , oi . С формой скѣптѣрѣ сопоставимы написание сѣдонѣскѣ (*Σιδῶνος*) 80об., фѣлиповѣ (*Φιλίππου*) 82об. в Архангельском евангелии 1092 г. (Страхов 2001, 17). Однако соответствие $\eta \leftrightarrow \psi$ не является доказательством того, что буква ψ обозначала фонему $\langle i \rangle$. Дело в том, что буква ψ свойственна в славянских рукописях прежде всего греческим лексемам, и это позволяет установить у нее наличие особой символической, или зрительно-эстетической, функции, с помощью которой имитировался графический облик греческого слова. Фонемное же значение букв ψ , ν (ѣ) определить в этом случае непросто не столько из-за сложной судьбы oi , ν в истории греческого языка, сколько из-за отсутствия написаний буквы ψ для обозначения $\langle i \rangle$ в славянских лексемах, которые, как будет показано ниже, получают распространение не ранее XIII в. Как верно указывал А. И. Соболевский, в древнейших славянских памятниках нельзя приписывать букве ψ (ν) значение, тождественное и (см. Селищев 2001, 96), так как “[н]а это нѣтъ достаточныхъ оснований: въ памятникахъ церковно-славянскихъ <...> ν почти никогда не употребляется вмѣсто и , но есть случаи употребленія его вмѣсто ю ” (Соболевский 1883, 141). В связи с этим написание букв ψ , ν (ѣ) в соответствии с греческими ι , ν , η нужно сопоставлять не с примерами, отражающими итацизм (и в соответствии с ν , η в написаниях типа египѣтѣ), а с теми написаниями, которые содержат соответствия ι , $\eta \leftrightarrow \psi$ наряду с ι , $\eta \leftrightarrow \text{оу}$. Например, в Триоди Моисея Киянина (РГАДА, ф. 381, № 137, конец XII–начало XIII в.) отмечена форма лѣѣвѣна *Λιβύη* (Мурьянов 1989, 195), с разночтением по древнейшей Постной Триоди (ГИМ, Син., № 319, XII в.): Лѣѣвѣна . В написаниях

Лүвѣна или скѣпѣтры можно было бы усмотреть лишь графический прием своеобразного “маркирования” грецизмов с помощью буквы ү, то есть реализацию символической функции буквы ү; ср. в Синайском патерике (XI в.): **скүта** 106об. ‘скита’. Однако отмеченная А. Б. Страховым (2001, 17) на том же листе форма **скоүтъ** 106об.-2 доказывает, что за графической символикой стояли реальные смысловозначительные отношения, гиперкоррекция на уровне письма влияет далее на фонемный облик грецизма. Не иначе, как гиперкорректные, следует рассматривать и формы **мжринѣа** 684 (245в-1-2) (Μηρίνθου 199) из Изборника 1073 г. и **клоүменьтъї** (*Κλήμεντος*)⁷ из надписи на реликварии XII в. (Медынцева 2000, 125)⁸. В примерах **лоүвѣна**, **скоүтъ**, **мжринѣа**, **клоүменьтъї** гиперкоррекция затронула фонемный уровень.

В рукописях XI–XII вв. были описаны два примера использования графемы ү для обозначения фонемы <i> (Гольштенко 1987, 173–174): “Бѣжѣствѣнѣн жаравѣць зачѣнѣшү чистаа. и того плѣтню рожьши прѣвѣстаа. строүами млѣти твоѣа страстни монахъ ѿгѣна съжѣженне все оугаси. и ѿ сѣмрѣти ма исхыти” (РГАДА, ф. 381, № 99; 28 об.-10; XI–XII вв.); “из ангы родиса мирьскаа црѣца рожьши и дѣвѣствоүюцинѣхъ <так!> по ржствѣ <так!> херѣвима вѣшьшү непорочнаа” (РГАДА, ф. 381, № 121; 32об.-27; XI–XII вв.). Источник греческих параллелей для второго богородична известен (Follieri 1960, 483): Ἐξ Ἄννης ἡ τοῦ κόσμου ἐτέχθη Βασίλισσα, τὸν τοῦ παντὸς Βασιλέα καὶ τεκοῦσα καὶ παρθενεύουσα μετὰ τόκον, Χερουβὶμ ἀνωτέρα, Πανάμοιε MR VI, 219. Сопоставление с греческим текстом показывает, что славянский перевод сокращен так, что это привело к нарушению композиции и синтаксиса тропаря. Очевидно, это было и одной из причин нарушения грамматических связей: **дѣвѣствоүюцинѣхъ** вместо **дѣвѣствоүюци**. При столь значительном искажении текста форме **вѣшьшү** едва ли стоит придавать большое значение. Это подтверждает вывод А. И. Соболевского, что буква ү, преимущественно употреблявшаяся в заимствованной лексике, в значении <i> в XI–XII вв. не использовалась.

Примеры, отражающие влияние греческого итацизма на фонологическое значение славянской буквы ү, относятся лишь к XIII в., когда буква ү в южнославянских рукописях стала обозначать фонему <i> в славянских лексемах. Как результат влияния новой нормы на значение ижицы следует рассматривать “замеченную В. Мошиным <...> форму **вүнограда** на л. 149 *Панегирика за март–август* последней четв. XIII в. (ред. Рашки), а также выписки Б. Цонева <...> из *Кюстендильского Четвероевангелия* XIII в.: <...> **сүла**, <...>

въскрѣлѣи его 24б, подь крѣлѣ 37а, възъгласѣ и 22а” (Страхов 2001, 17)⁹. Эти примеры объясняются А. Б. Страховым как доказательство того, что в некоторых древних славянских рукописях трудно установить произношение буквы ѣ, на основании чего делается вывод, что единственным положительным свойством ижицы было обозначение конца строки (которое, впрочем, в данных примерах не просматривается). Что касается варианта в, то один пример его употребления для обозначения <i> в исконно славянской лексеме отмечен мной в среднерусской рукописи XVI в.: / **Вѣе разделение** Библи. (Рум.) 162об. Буква ѣ написана в начале строки, причем размер графемы ѣ больше, чем у остальных строчных букв, что ясно указывает на ее декоративную, или зрительно-эстетическую функцию – выделения начала строки¹⁰.

На основании перечисленных примеров нет оснований считать, что в написании **скѣпѣтры** буква ѣ обозначает <i>. Перед нами пример гиперкорректного написания заимствованного слова по простым принципам: буква ѣ свойственна прежде всего грецизмам, следовательно, в форме **скѣпѣтры** она вполне уместна; сочетание палатализованного, или “полумягкого”, согласного с последующей фонемой <i> возможно, как правило, только в заимствованных словах, прежде всего в грецизмах, следовательно, буква ѣ позволяет передать грецизированный фонемный облик слова, каким его видел писец¹¹.

Использование буквы ѣ в форме **скѣпѣтры** второго писца БСП не уникально для древнерусской письменности. Аналогичные гиперкорректные написания отмечаются в более поздних рукописях XV–XVI вв.: **скѣпѣтрѣ** (требник БАН, Арх. д., № 72 (вторая половина XVI в.), 40¹²), **скѣпѣтры** / (Сборник ГИМ, Син. 219 (70–начало 80-х гг. XVI в.), 417об. и др. См.: Калугин 2003, 112). В том же сборнике ГИМ, Син. 219 находим и написание **хѣротонисанѣ** (ср. греч. *χειροτονέω*) (Калугин 2003, 62), где буква в не обусловлена реальным графическим и фонетическим обликом исконного греческого слова.

Особо следует рассмотреть написание **асѣръ** 70, греч. *Assour*, где буква ѣ могла появиться в результате контаминации с топонимом *’Assuria* или с этнонимом *’Assurius*, который в такой форме встречается впервые в LXX. Пример сходной контаминации содержится уже в двух древнейших латинских рукописях Псалтири (VI в.) (Rahlfs 1979, 17), чьи разночтения отражены в издании LXX (Ps.), 225: *assyrius*, *assyrius*. Латинское *assyrius* и греческое *’Assurius* сопоставимы с формами **асѣрѣемѣ** (два раза), **на асѣрѣа** Кн. прор.¹, 71; (**погоѣвити**) **асѣрѣа** (Ис. 14:25) Кн. прор., 97об., греч. *τοὺς ’Assuriouς* ‘ассирийцев’ в последнем примере не позволяет видеть в славянском тексте имя

собственное. В Вульгате мы находим имя *Assurium*, причины для появления двух разных чтений – *ассирийцев* или *Ассура* – содержатся в древнееврейском тексте. В масоретской версии здесь представлено многозначное имя אַשּׁוּר 'aşur 'Ассур; люди, народ Ассура, ассирийцы; земля Ассура' (Brown 1999, 78); первые два значения одинаково уместны в контексте Ис. 14:25, что создает надежные семантически основания для их сближения или даже неразличения в разных письменных традициях. Контаминация имен *Ассур* и *Ἀσσυρία* в византийской письменности способствуют также различные тексты хроникального жанра, в которых генеалогия ассирийцев возводится к библейскому Ассуру. Среди источников, наиболее близких к славянскому материалу, – Хроника Георгия Амартола: “Ἐκ δὲ τῆς φυλῆς τοῦ Σῆμ καὶ τοῦ Ἀσσοῦρ, ἀφ’ οὗ Ἀσσυριοί” (Georgius Monachus, vol. I, lib. I (3), 11). В славянском переводе имя Ассура не упомянуто, однако в тексте Троицкого списка ассирийцы многократно называются словом *асоуриш* (Хрон. Г. Амарт., 34 и далее), что еще раз доказывает реальную возможность взаимодействия форм *Ассур* *Ἀσσυρία* у славян.

Как было сказано, другие написания с буквой Ү в соответствии с греческим *ou* у второго писца БСП отсутствуют; ср. ндоу мѣиска 70. В единственном случае грецизм с исконным *v* передан с диграфом оу : тоу рѣ 70 (ср. греч. *Tύρος*), аналогичные написания в других источниках будут рассмотрены и объяснены ниже. Дважды буква Ү использована после букв палатальных *л*, *н*, то есть в позиции, обычной для буквы *ю*, точнее, *ж* (буква *ѣж* вторым писцом не используется): въ нѣ 55об.; ра/здѣлѣ 133об., греч. *μερίδ*.

Как показывает анализ материала, буква Ү используется вторым писцом БСП, во-первых, для обозначения фонемы <u> в дизных синлабемах заимствованных слов в соответствии с греческим *v* (за исключением двух спорных примеров) и, во-вторых, для обозначения фонемы <u> после букв исконно палатальных согласных. Во втором почерке БСП ижица не используется после букв твердых согласных. Употребление буквы Ү в качестве эквивалента *ю* в славянских словах и регулярное соответствие $\text{Ү} \leftrightarrow \text{v}$ (*oi*) в грецизмах доказывают, что заимствования с исконным сочетанием *Sv* читались вторым писцом БСП в соответствии с классическим произношением буквы *v*, то есть как <S'u> или <S'u> (<S'ü> или <S'ü>?).

Здесь уместно привести единственный пример употребления буквы Ү третьим писцом БСП: спѣюциѣмоу 13об., где Ү использована в качестве эквивалента *ю*, дважды отмеченной в позиции после букв шипящих: исъшють 13, творациѣмоу 13об. Диграф оу в этой позиции третьим писцом не используется. Следовательно, буква Ү у третьего

писца обозначает фонему <u> после букв исконно палатальных согласных в славянских лексемах. Из-за отсутствия достаточного материала неясно, ограничивалось ли ее употребление только позицией после букв шипящих. В тексте БСП, написанном третьим писцом, грецизмов с исконным *v* нет.

В первом почерке БСП буква *ϥ* в трех случаях отмечена в грецизмах только в соответствии с *v*: **Змъръна** 24об. (греч. *σμίρνα*), **тѣрова** 25 (седьмая буква в строке среди 17-ти; греч. *τύρου*), **кѣмень** Sin. Slav. 6/N, 8об. (седьмая буква в строке среди 30-ти, греч. *σκύμνος*). Один раз в первом почерке БСП отмечено уникальное для рукописей XI в. написание **скѣ/мень** 36, в котором представлен древнейший известный случай употребления варианта *v* (не *ϥ*!) в славянской письменности. Считается, что ижица, “написана катю *v*, се среща рядко и предимно в заглавия” (Илчев, Велчева 1995, 50). Эти сведения не нашли отражения в SJS 52 (1997), 1040, где сказано, что ижица “in antiquissimis manuscriptis cyrillicis, nempe Sav et Supr, figuram *ϥ*, in posterioribus etiam figuram *v* habet”. Примеры из “заглавий” и “manuscriptis posterioribus” не приведены, поэтому можно утверждать, что до сего дня самым ранним известным примером употребления буквы *v* были написания типа **и/совсовъ** 210 (1566-18-19), **ѣ/совсовоу** 222 (1666-2-3), **ѣ-ков** 125 (846-1); **ѣва(г)/ ѿ ѿ :~ /** 249 (1866-2) и др. во Мстиславовом евангелии (до 1117 г.). О написаниях с *v* в качестве второго элемента диграфа в этом источнике впервые упомянул Е. Ф. Карский (1979, 199); буква *v* “без хвоста и с хвостом, обычно с надстрочным знаком в форме будущей оксии” названа в описании Мстиславова евангелия, выполненном Л. П. Жуковской (1983, 15)¹³.

В первом почерке БСП буква *ϥ* дважды использована в славянских лексемах вместо обычной *ю*: **лѣта** / 10, **пѣтрѣ** (*вос.*, греч. *ψαλτήριον*, 36об., 12-я буква в строке из 18-ти), один раз – на месте *оу*: (**тако аспида**) **глѣха** 36об. Особого внимания заслуживают написания буквы *ϥ* на месте этимологической фонемы <р>. Буква **ж** отмечена во втором почерке БСП три раза: **жстрашишася** (Sin. Slav. 6/N, 6), **можж** 3об., **пж/ть** 7об. Четыре раза на месте **ж** встретилось *ϥ*: **сѣ/ть** 7; **зѣви** 36 (16-я буква в строке среди 27-ми), / **Въстанѣ** 36об., (**пѣтрѣ и**) **гѣсли** / 36об. Один раз буква *ϥ* написана на месте **ѣж**: **пѣрѣ** асс. sg. 12 (16-я буква в строке из 19-ти). Буква **ѣж** не используется первым писцом БСП, однако **ж** однажды отмечен в позиции начала слога как эквивалент *ю*: **можж** 3об. Нетрудно заметить, что обе буквы, **ж** и *ϥ*, употребляются первым писцом безразлично к тембру в слоге, при этом **ж** может обозначать сочетание *ju*. Обращает на себя внимание и то, что обе графемы находятся на периферии графико-

орфографической системы первого писца. Утрата большого юса и употребление на его месте буквы ү сопоставимы с одним написанием из Клоцева сборника (12а-35), на которое впервые обратил внимание П. Дильс (Diels 1932), а вслед за ним Ю. Нуорлуото: **ᚱᚱᚱᚱᚱ**, **ᚱᚱᚱᚱ**, “auch **ᚱ** tritt einige Male in diesem Lexem auf, s. den Index zur Ausgabe von Dostál (1959)” (Nuorluoto 1995–1996, 307, примеч. 6).

Относительно состава букв, используемых первым писцом БСП, как он был описан в работе Р. Н. Кривко (1998₂, 4), было замечено: “К сожалению, не всегда из работ, посвященных изучению письма древнерусских рукописей, можно узнать, употребляется ли в них ижица. Так, например, при перечислении представленных в Бычковской псалтири XI в. букв Р. Н. Кривко пишет: “Первый писец использует следующий состав азбуки: ... оү (ү, ѱ)...» ... Для XI в. употребление монографа ү как функционального эквивалента оү маловероятно. По-видимому, речь должна была бы идти об ижице” (Гольщенко 2000, 15). Действительно, буква ү как обозначение фонемы <и> (← *q*, **oi*) после твердых согласных ранее изучалась редко. Однако примеры, приведенные в моей работе (Кривко 1998₁, 52), не выглядят подозрительно одиноко на фоне предшествующей исследовательской традиции, хотя они и не попали в поле зрения В. С. Гольщенко. На употребление буквы ү для обозначения <и> после твердых согласных в Мар. указывал еще В. Ягич: “кѣ иѣв матѣ. XVII. 1, иѣв иѣ. XXVI. 6. <...> Сличи еще слово садикенска матѣ. XVI. 6. 11, сѣдарь ю. XX. 7, рѣфовоү марк. XV. 21, кентѣриона иѣ. 45” (Ягичъ 1883, 422)¹⁴. Вслед за В. Ягичем на употребление буквы **ѱ** (ү) для обозначения <и> в Sin. обратил внимание П. Дильс: **въздрадѣѱа** (Пс. 9:3) и **вѣрѣѱ** (Пс. 26:13) (Diels 1932, 41).

Примеры из Мар. и аналогичные написания из Супр. были известны В. С. Гольщенко (1987, 145–146), ей же принадлежит приоритет в описании отдельных случаев употребления буквы ү со значением <и> (не из <q>) в сочетании <Cu> в Златоструе Бычкова XI в. (РНБ, Q. п. I. 74) и в более поздних древнерусских рукописях XII–XIII вв. В службе Иерофею Афонскому (БАН, 16.13.54; XI–XII вв.) и в Цветной Триоди XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 138) отмечено употребление буквы ү вместо **ж** и **ѣж** (Гольщенко 1982, 11, 13; 1987, 153). В списке службы буква ү используется на месте этимологического **ж** независимо от позиции по отношению к концу строки; “[л]ишь однажды в указанном положении этот знак <ү. – Р. К.> соответствует [u] из **u* <точнее, из **oi*. – Р. К.> в слове, переданном сокращенно: бу 1об. 28” (Гольщенко 1987, 152–153). В Цветной Триоди буква ү используется на месте **ѣж** (только в форме асс. sg. fem. **в(ь)сү**) и **ж**,

причем на месте ж только в конце строки или перед разрывом в пергамене. Функции буквы ѱ в таких написаниях и причины их появления должны быть пересмотрены в сопоставлении с функциями букв ж, ѡж и, шире, с древнейшей историей отражения в славянском письме сочетаний палатального согласного с последующим <ѡ>. Это тем более необходимо, что в работе В. В. Колесова (1973, 170–196), специально посвященной этой проблеме, многозначность буквы ѱ не нашла отражения, а в исследованиях В. С. Гольшенко (1982; 1987) не учтены соответствующие разыскания В. В. Колесова.

Противоречивые показания источников XI–XII вв. относительно употребления буквы ѱ приводят к выводу: “[Е]сли исключить употребление ѱ в словах неславянского происхождения, то <окажется, что – Р. К.> знак ѱ встречается преимущественно в единичных написаниях. Писцы при этом используют его либо однозначно – после букв только мягких согласных или только твердых, либо неоднозначно – после тех и других букв” (Гольшенко 1982, 11). Такой вывод отменяет положение о маловероятности “монографа ѱ как функционального эквивалента оѱ”, сделанное в связи с БСП. Как будет видно из дальнейшего изложения, буква ѱ, обозначающая фонему <и> после твердых согласных, употребляется в XI в. не только в БСП и в Златоуструе Бычкова, но и в Изборнике 1073 г. и в Синайском патерике, причем в последних трех рукописях ѱ используется в славянских лексемах только после букв твердых согласных.

В качестве факторов, определяющих написание буквы ѱ вместо оѱ, называется ряд причин (Гольшенко 1987, 153–161), прежде всего конец строки или разрыв пергамена после слова с ѱ или после следующего слова. С оформлением конца строки тесно связано и употребление особого варианта диграфа оѱ – ѱ̂, который встречается в Златоуструе Бычкова XI в. (РНБ, Q. п. I. 74) и в Цветной Триоди XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 138). “Этот писавшийся над строкой знак о мог быть опущен и намеренно, в особенности в конце строки, поскольку в строке в этом случае оставался такой элемент диграфа (ѱ), который <...> определял фонетическое значение буквы оѱ” (Гольшенко 1982, 25). В Путятиной минее, как будет далее показано, также встречаются многочисленные написания ѱ̂ вместо оѱ и одно написание ѱ вместо оѱ (ж) в конце строки (зачало ирмоса)¹⁵. Гипотеза, что конец строки и написания типа ѱ̂ являются факторами выбора буквы ѱ для обозначения <и> после твердых

согласных, находит подтверждение на древнеболгарском материале (Илчев, Велчева 1995, 49).

Еще одной причиной смешения **оѵ** и **ѵ** называется то, “что эти буквы имели общую часть в своем начертании” (Гольщенко 1987, 155). Причины взаимной мены остаются в этом объяснении неясны, во многом из-за того, что недостаточно обоснована необходимость различения ижицы и монографа. Ижицей считается буква **ѵ** со значением, тождественным букве **ю**, а монографом – буква **ѵ** со значением, тождественным **оѵ** (Гольщенко 1987, 146). При этом предполагается, что “монограф **ѵ**” (= **оѵ**) связан с диграфом **оѵ** и не имеет отношения к ижице. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что диграф **оѵ** состоит из буквы (монографа) **о** и буквы (монографа) **ѵ**, то есть ижицы, которая могла употребляться как эквивалент **ю**. Следовательно, даже если буква **ѵ** проявляет свою связь с диграфом **оѵ**, нет никаких оснований отделять ее от той же самой буквы **ѵ**, но со значением **ю**. Буква **ѵ** со значениями **оѵ** или **ю** – это один и тот же графический знак, выполняющий разные функции. Такая его многофункциональность сопоставима с употреблением буквы **ѡ**, которая также могла выступать как эквивалент графем **оѵ** или **ю**, о чем далее будет идти речь.

Разделение монографа и ижицы оказалось возможным еще и потому, что для рассмотрения функций букв **ѵ** и **оѵ** сознательно не привлекается материал грецизмов (Гольщенко 1987, 146), в которых отмечается та же мена **ѵ** на **оѵ** в соответствии с *v*. Так, если в Мар. буква **ѡ** (*v*) используется для обозначения <u> после твердых согласных в грецизмах с исконными *v* и *ov*, а также в славянских лексемах и флексиях только в соответствии с **ѡ** (**оѵ**) (Ягичъ 1883, 422), то нет никаких оснований “умножать сущности” (В. Оккам) и называть букву **ѡ** монографом, а не ижицей. Правильнее было бы говорить, что в Мар. буква **ѡ**, или ижица (*v*), имеет значение, тождественное диграфу **ѡ** (**оѵ**) (ср. Diels 1932, 41).

Монограф **ѵ** и ижица в славянской рукописной традиции до XII в. включительно не различались не только функционально, но даже графически: вариант *v* отмечен в кириллических рукописях XI–XII вв. в единичных примерах (см.: РГАДА, ф. 381, № 122) (Гольщенко 1987, 145–146). К этим примерам можно добавить немногим более поздние, но весьма показательные написания с буквой **V** (в значении, тождественном **оѵ**!) в заглавии канона сыропустной субботы в Триоди Моисея Киянина (РГАДА, ф. 381, № 137; конец XII–начало XIII в.): “въ свбот(оу) кан(онъ) соропствън(ьн)и” <так! – Р. К.> (Мурьянов 1989, 195)¹⁶. Наконец, последний аргумент, который позволяет связать

употребление буквы ψ в значении <Сu> с диграфом ou , – это описки, связанные с пропуском одного из элементов диграфа, то есть написания типа Θ (o) вместо Θu (ou), Ψ (ψ) вместо Ψu (ψu), Θ (o) вместо Θu (Гольштенко 1982, 18; ср. Diels 1932, 41–42).

Позволим себе более критично отнестись к положению об описке, подобной написаниям типа o вместо ou или ψ вместо ψu (Кривко 2004₁). При более внимательном рассмотрении подобных написаний обращает на себя внимание, во-первых, отсутствие написаний типа i вместо ψ в кириллических памятниках, не знающих мены n и ψ , или Θ (λ) вместо Θu (λu) в глаголических рукописях, не знающих мены юсов¹⁷. Во-вторых, написания с первым элементом диграфа осознавались как ошибочные самими же книжниками. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи исправлений ψ на ψu , o на ou (Гольштенко 1982, 21–23) или o (Θ) на λ (Θu) в Мар. (Ягичъ 1883, 424). Этого нельзя сказать о написаниях с ψ вместо ou , которые не исправлялись, если буква ψ использовалась писцом как эквивалент ou . В-третьих, не все рукописи, в которых встречаются написания ψ вместо ou или ψu (λu), содержат также написания o вместо ou или ψ вместо ψu . К числу таких источников относится второй почерк БСП, где буквы пропускаются очень часто, однако написания типа ψ вместо ψu или o вместо ou отсутствуют. Таким образом, уделив написаниям типа o вместо ou или ψ вместо ψu особое внимание в отдельной работе (Кривко 2004₁), далее мы будем рассматривать функции буквы ψ независимо от гипотезы об описках.

Интерпретацию функций буквы ψ в древнейших славянских рукописях логично начать с обращения к греческим заимствованиям и данным собственно греческого языка. Как писал еще М. Р. Фасмер, “[с]удьба звука ψ в позднейшем греческом языке весьма сложна. <...> В этом отношении указания старославянских памятников должны быть использованы с особенной осторожностью” (Фасмеръ 1907, 210). Написания с ψ или с ψu в соответствии с греческим ψ , как полагал М. Р. Фасмер, “не позволяют нам дѣлать какіе либо выводы относительно произношенія ψ и его рефлексовъ въ среднегреческомъ языкѣ” (Фасмеръ 1909, 21). Такой подход обращает внимание исследователя на народные или диалектные разновидности греческого языка и поэтому во многом верен методологически, однако нельзя не учитывать и то, что “[в] греческом языке эпохи славянских переводов сложилась диглоссия, <...> с одной стороны, поддерживавшаяся в письменной форме и культивировавшаяся классический греческий язык <...>, а с другой стороны, существовал и развивался

народно-разговорный греческий язык” (Чернышева 1994, 402; см. подробно: Hatzidakis 1892, 245–260).

Представление о классическом языке не объясняет последовательное написание грецизмов с исконным *v* с помощью буквы Ү, которое отмечено у второго писца БСП, если рассматривать эти написания в отрыве от графического облика славянских лексем, в которых использована буква Ү. Без привлечения славянского материала можно лишь констатировать транслитерацию греческого слова средствами кириллического письма, тогда как фонетическое значение буквы Ү останется неясным. Два написания буквы Ү вместо ю после букв согласных, отсутствие примеров с Ү вместо оҮ и с Ү в соответствии с греческим *ou* позволяют однозначно утверждать, что буква Ү использовалась вторым писцом БСП в значении, тождественном букве ю, что сопоставимо с классическим произношением *v*.

Примеры адаптации грецизмов с исконным *v* в их книжном варианте находим в старославянских рукописях, о чем свидетельствует просмотр заимствованной лексики, отраженной в памятниках. Материал показывает, что буква ю в соответствии с греческим *v* используется в малом количестве лексем: **кюпроу** Ен. 145 (35б-10) *Κύπρου*, **кюриѣка** Ен. 155 (38а-3) *Κυριακῶν*, **люсанию** Ас. 277 (138а-21) *Λυσανίου*, **кюрѣ** Ен. 155 (38а-9), в греч. иначе: *Κουσαρός*; ср. в Изборнике 1076 г.: **кюпарисъ** 423 (83-5); ср. греч. *κιλάρισσος*; **кюриль** 645 (248-8). Особо выделяется лексема **ѣҮпѣтъ**, которая отмечена в формах **ѣҮпѣтъ** Ас., **ѣҮпѣтъ** Ас., Слос., **ѣҮпѣтъ** Sin., **ѣҮпѣтъ** Euch., Слос., **ѣҮпѣтъ** Боян., **ѣҮпѣтъ** Боян., **ѣҮпѣтъ** Lob., Par., **ѣҮпѣтъ** Och. 106б-6 (SJS (1965), 10, 563; Ст. Сл., 207). Написания типа **ѣҮпѣтъ** указывают на фонологическую адаптацию грецизма в его классическом произношении, так как только перед *ii* (*v*), а не *и*, был возможен переход *g* → *h*, отраженный в среднесербохорватской форме *Jeđurat* (Вайан 2002, 40). Этот переход прослеживается в текстах непоследовательно, так как книжный характер слова может препятствовать реализации в нем фонетических законов (ср. Miklas 2002, 287, примеч. 287).

Выбор славянской формы для передачи грецизма с исконным *v* мог зависеть от индивидуальных навыков книжника. Поэтому “[н]аписания с ю вместо Ү в греческих словах (для обозначения греческих *v* и *oi*) находим в русских рукописях XI и XII вв. несколько чаще, например, у второго переписчика Арханг. ев.: **сюрискыми**, в Типогр. Кондакаре XI в.: **панюхидѣ**, **мюрѣмь** и др.” (Дурново 1926, 688), **фюникъ** (РГАДА, ф. 381, № 96, 42об., 54об.), **мюро** (РГАДА, ф. 381, № 96, 50об.; № 97, 36¹⁸), но **Моурѣмь** (РГАДА, ф. 381, № 96, 50об.). Выходя за пределы церковнославянского книжного узуса, формы с задне-

язычными *k, g* перед исконным греческим *ii* (согласно классическому произношению) более интенсивно подвергались тем же преобразованиям, что и в исконных славянских лексемах перед гласными переднего ряда. Об этом свидетельствуют данные древнерусского ономастикона: например, в “Сказании о Мамаевом побоище” (по списку РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 578, вторая четверть XVI в.) упомянут воин Димитрия Донского Петр Чуриков (Пам. кулик. цикла, 160), в разъезжей грамоте 1462–1505 гг. встречается “Ивашко Матфеев Чюрьяков” (А. феод. землевл. I, № 154, 135); ср. греч. *Κυριακός*. Сюда же относятся описанные еще М. Фасмером “древнейшія русскія заимствования: *чурило*, *Κύριλλος*, <...> *чупро*, *Κύπριος*, *чуръ*, *Κύριος*¹⁹” (Фасмеръ 1909, 21); “ср. др.-русск. *Чуприанъ* из греч. *Κυπριανός* (Фасмер III, 386–387), макед. *чурици* ‘день свв. Кирика и Иулиты’ и др. (Селищев 2001, 26, 27).

Тезис М. Фасмера о “древнейшем” характере заимствований типа *чурило* требует уточнений. Переход *k* → *č* перед исконным греческим *ii* в заимствованиях не может быть результатом праславянского процесса, так как это изменение отмечается прежде всего в канонических именах собственных, широкое заимствование которых происходило только после принятия христианства. Формы типа *чурило* трудно рассматривать в отрыве от грецизмов *ѣуптъ* или *ѣѣупьтъ*, фонологическая адаптация которых нашла отражение в церковной книжности. Употребление обеих форм связано с местом создания рукописи. Форма *ѣѣупьтъ* получила распространение исключительно на юге славянского ареала, написание *ѣуп(ь)тъ* для XI в. отмечено только в древнерусских рукописях, например, в Изборнике 1073 г.: *ѣѣупьта* 516 (161в-5-6), *ѣѣупьта* 564 (185в-3), *ѣѣупта* / 470 (138в-27), *ѣѣупта* 502 (154г-24), *ѣѣупь/тъскоуѣж* 480 (143г-8-9) и др. Переход *gi* (или *yii*) → *ju* (*ĭju*) в истории топонима *Αἰγύπτος* и его производных на славянской почве сопоставим с аналогичным изменением *g'u* → *ju* (*ĭju*) в истории имени *Юрий*, *Юрей*. Как известно, оно восходит к греческому *Γεώργιος*, которое “в древних церковнославянских и русских памятниках встречается в форме *гюрги* (Ев. 1270 г., Лавр. лет.)” (Карский 1904, 591), впервые отмеченной в новгородских берестяных грамотах раннедревнерусского (XII в.) периода (Зализняк 1995, 86). Форма *гюрги* далее на русской почве изменяется в *Юрий* (← *Юрги*, Лавр. лет. 282 (95): *за Юргѣ*; ср. Фасмер 1996, I, 402; IV, 533; Унбегаун 1995, 53; в новгородских грамотах формы типа *Юрги*, *Юрьи* отмечены в XIV в. (Зализняк 1995, 86)), а на сербской в *Ђура* (Карский 1904, 591). В Ипат. лет. 298 (110об.) представлен иной вариант разви-

тия имени *Гюрги* в форме *Дюрги*· (*Гюрги* Ипат. лет., 298–111); ср. русск. диал. *андел*, *анделёнок* (СРНГ I, 258)²⁰.

Как нам указал профессор И. Г. Добродомов, аналогичную рефлексацию заднеязычного *g* в виде *ǰ* перед исконным *i* в слове – источнике заимствования находим также в тюркизмах сербскохорватского языка: *đümrük* ← *gümrük* ‘таможенный налог, ввозная пошлина’; ср. болг. *гюмрук*; *đuveć* ← *güveç* ‘овощная смесь; посуда для ее приготовления’ и др. (Škaljić 1973, 257, 259; Grannes et al. 2002, 379–381). Рефлексация сочетаний *g’u* в канонических именах греческого происхождения, различная на юге (*ǰu* и *ju*) и на востоке славянского ареала (только *ju*), и результаты адаптации тюркизмов с *i* в сербскохорватском языке указывают на то, что изменение смычных заднеязычных согласных перед исконным греческим *i* представляет собой иной, более поздний процесс, чем первая палатализация, которая у всех славян проходила одинаково²¹.

Результаты фонологической адаптации грецизмов не всегда получали статус книжной нормы в истории русского языка и поэтому непоследовательно отражаются в памятниках письменности. Рассмотренные примеры доказывают, что в XI–XII вв. у славян в усвоении греческих лексем итацизм и “классическое” произношение *v* сосуществовали. Было отмечено, что “произношение [u] или даже [ü] как соответствие греч. *v* было более архаичной нормой <по сравнению с итацизмом. – Р. К.> и впоследствии было оттеснено в область ненормированного, разговорного произношения” (Архипов 1995, 332); приведенные выше данные доказывают, что тезис о большей архаичности “классической” нормы в произношении грецизмов с исконным *v* неприменим к XI–XII вв.

На основании классического произношения буквы *v* как *i* славянская буква Ү стала обозначать фонему <u> после букв исконно палатальных или палатализованных согласных. Нередки случаи, когда буква Ү широко употребляется не только в грецизмах, но и в славянской лексике. В этом случае она становится эквивалентом букв ю или ж (ж). К числу рукописей, в которых широко используется буква Ү в значении <u> после букв исконно палатальных, относятся новгородские служебные минеи XI–XII вв. из собрания синодальной типографии РГАДА (Соболевский 1883, 141, примеч. 1; Гольщенко 1982, 3–29; 1987, 163–178). В Типографском евангелии XII в. буква Ү часто используется в конце строки как графически более “узкий” функциональный эквивалент ю в славянских лексемах (Гольщенко 2000, 15–16), что позволяло писцу выработать принцип распре-

деления в употреблении двух графем с одинаковой фонологической функцией.

В изучении функций буквы ψ , в том числе в конце строки, вредна поспешность. В своей заметке А. И. Соболевский (Соболевский 1882, 242–243) во множестве рассмотрел примеры употребления буквы ψ в значении, тождественном ψ . Одно из этих написаний было пересмотрено А. Б. Страховым (2001, 17), который пришел к такому выводу: “У Соболевского имеется специальное примечание: «В приведенных примерах ψ находится не на конце строки». Возможно, это и так, но в единственном примере из этой заметки, который я смог проверить – **всь ψ галилѣ ψ** 27_{16–17} из **АЕ** – буква ψ , с моей, не столь формальной, точки зрения, находится очень близко от конца строки, благо в **АЕ** она довольно длинная. Так что вопрос о месте ижицы в строке и ее функциональной роли в примерах Соболевского остается открытым”. Далее в работе А. Б. Страхова приводятся десять примеров из Путятиной минее с ψ в конце строки или в ее последнем или предпоследнем слове, и еще один пример сопровождается комментарием: “**гн ψ** 127-17 (почти в середине строки, но далее к концу ее буквы сильно теснятся и мельчают)” (Страхов 2001, 16). Всем примерам предпослано замечание: “Тенденция к экономии места видна <...> и в собственно славянской лексике” (Страхов 2001, 16). Далее указывается, что “[д]ля **ПМ**, написанной широкой строкой, такие примеры показательны” (Страхов 2001, 16). Неясно, как согласуется эта “показательность” с десятью употреблениями буквы ψ в начале строки, которые приведены в одном абзаце с процитированным утверждением. К сожалению, при объяснении этих и других написаний с ψ оставлены без внимания давно разобранные В. В. Колесовым (1973, 177–178) примеры, которые выбраны полностью из всей рукописи: **к’н ψ аз ψ** 31об., 18-я буква в строке из 26-ти; **z ψ р ψ** 39, 7-я буква в строке из 36-ти и др., всего 27 примеров, из них десять – в конце строки, десять в начале, семь в середине. Тенденцию к экономии места усмотреть трудно, поскольку закономерность здесь иная. Как показано в работе В. В. Колесова (1973, 178), в Путятиной минее буква ψ в славянских лексемах употребляется после букв исконных палатальных согласных как эквивалент **ѣ** (два исключения: **к’н ψ аз ψ** , **л ψ дѣмѣ**), и этим отличается функционально от ψ , которая употребляется также в начале слога и обозначает в этом случае сочетание *ju*. В Путятиной минее XI в. представлен тот же тип употребления буквы ψ в славянских лексемах, что и во втором почерке БСП, правда, в минее буква ψ на месте **ѣ** используется чаще. Количество написаний с буквой ψ , обозначающей <u> после исконно палатальных и

палатализованных согласных, в Путятиной минее сопоставимо с богатым материалом новгородских служебных миней XI–XII вв. из синодального собрания РГАДА и с Типографским евангелием XII в.²²

Кроме славянских лексем, буква **ү** в Путятиной минее употребляется в грецизмах только с исконным *υ* или *οι* (примеры с отражением итацизма не учитываются): **сѣ кѹриакѡмь** 8об.-5²³ (*σὺν Κυριακῶ* АНГ IX, 359); / **Мѹро** 17-13, 118-3 (*Μύρον* MR V, 124), **мѹро** / 95об.-13; **пѣрьфѹроѡж** 25-7 (*πορφύραν* MR V, 29); (**ѣдина**) **ѹпѡстасьноѹѡж** 98-2 (в издании редактором допущена ошибка: **ѣдинаѹпѡстасьноѹѡж**²⁴), **трипѡстасъно** 101-17 (*τριπλόστατον* MR V, 162); **фѹникъ** 70-6, 95об.-11 (ср. греч. *φῶνιξ*) и др.²⁵ Сопоставление грецизмов с исконным *υ* с написанием славянских лексем однозначно свидетельствует, что в Путятиной минее буква **ү** читалась в согласии с классическим произношением *υ* и обозначала фонему <u> только после палатализованных или “полумягких” согласных. В двух случаях отмечено написание диграфа **оү** и **ж** в соответствии с буквой *υ*, что сопоставимо с написанием **тѡүрѣ** 70 в первом почерке БСП.

В Путятиной минее содержится также ряд отклонений от основной закономерности употребления буквы **ү**. Прежде всего они отражаются в написаниях под титлами, где представлен только второй элемент диграфа: **Ѣү** 25об. 7, 40об. 1, 66об.-17, **гү** 75-17, что не является специфической особенностью этого памятника (более поздние примеры: Гольшенко 1987, 152–153). Представляют интерес следующие формы: **пү/ти** 45об. 4-5; **раздрү/ши** 63об.-3-4; **сү/ю** 77-12-13; **мү/кѣ** 81-10-11; **ү/сѣканѡмь** 86-9-10; **бү/рю** 87-3-4, 91об.-14-15; **лѡнү/** 88об.-14; **н.мүце** · / 106-6; **вѣорүжена фа** : ѱ / 82-9. До сих пор подобные написания были отмечены только в Златоструе Бычкова (XI в.), рукописи Богословия Иоанна Дамаскина (XII–XIII вв.) и в первом почерке Слова Ипполита об Антихристе XII в. (Гольшенко 1987, 161). Особенностью этих написаний в Путятиной минее по сравнению с перечисленными памятниками является употребление сокращенной формы диграфа **ү** не только в абсолютном конце строки или листа. Один раз верхний элемент диграфа **ү** оказался пропущен: **мү//кѣ** 82-16–82об.-1. Нет никаких оснований видеть здесь сознательный прием, так как основному писцу Путятиной минеи было несвойственно употребление буквы **ү** в значении <u> после твердых согласных. О пропуске первого элемента диграфа свидетельствует и написание **үтѣшитѣля** 111об.-2 (в середине строки). Первый элемент диграфа здесь явно был пропущен, а затем надписан над строкой (такой способ исправления описок характерен для Путятиной минеи). Исправление свидетельствует о том, что употребление буквы **ү** в значении <u> после

твердых согласных было воспринято основным писцом Путятиной минеи как ошибка. Единственное написание *мѣ//кы* 82-16–82об.-1 в абсолютном конце стороны листа является опiskой, но совсем не “экономным” вариантом формы *моукы* (ср.: Страхова 2001, 16).

На примере написаний с *ѣ* в Путятиной минее не подтверждается гипотеза В. С. Гольшенко, что именно такой сокращенный вариант диграфа послужил причиной появления у буквы *ѣ* значения <u> в сочетании <Cu>. В Путятиной минее широко употребляется написание *ѣ* в конце строки, но при этом буква *ѣ* не обозначает фонему <u> после твердых согласных. Напротив, ижица используется основным писцом этого памятника только для обозначения <u> после букв исконно палатальных согласных. Следовательно, между написанием *ѣ* в конце строки и развитием у буквы *ѣ* значения <u> в сочетании <Cu> устойчивой связи нет. В древнерусской орфографии XI–XII вв. не просматривается также прямая зависимость между позицией буквы *ѣ* в строке и ее функцией, хотя в отдельных рукописях такая связь имеет место, например, в Типографском евангелии XII в. Регулярное употребление ижицы в конце строки свидетельствует лишь о попытке ее графической адаптации как грецизированного эквивалента *ю* к условиям древнерусского письменного книжного узуса.

Рассмотренный материал позволяет обобщить употребление буквы *ѣ* вторым писцом БСП. Во втором почерке БСП одной из функций буквы *ѣ* является обозначение более высокого тембра в пределах слога, что обусловлено значением *v* (*ii*) в “классическом” произношении. Аналогичную функцию буква *ѣ* выполняет в ряде других древнерусских рукописей, наиболее известна из которых Путятина минея. Интересно, что о чтении буквы *ѣ* как *ю* (после согласных?) свидетельствует также азбука берестяной грамоты № 591 (первая половина XI в.), где “зеркальная” буква *ѣ* стоит на алфавитной позиции *ю*, а в грамоте № 778 в соответствии с *ѣ* “из № 591 выступает *ю*” (Зализняк 1999, 553, 561). Фонологические функции ижицы в таком случае совпадали с функциями букв *ю* и *ѣ* (эквивалента *ю* в древнерусской орфографии). Между *ю* (*ѣ*) и *ѣ* установилось распределение в написании славянских лексем: если йотированные буквы употреблялись как в начале слога, так и после букв согласных, то буква *ѣ* использовалась преимущественно после букв согласных. Исключения из этого правила описаны В. С. Гольшенко (1987, 171–172) на материале служебных миней XI–XII вв. синодального собрания РГАДА; ср. /пѣ̣ · ѣ̣ · ермо̣ · жтр̣ню̣ѣ̣ · :· ѣ̣/ (РГАДА, ф. 381, № 125, 27об.) и др. (зависимости между употреблением буквы *ѣ* как эквивалента *ю* и позицией по отношению к концу строки нет).

В первом почерке БСП употребление буквы Ү выходит за рамки перечисленных закономерностей. Прежде всего, буква Ү отмечена в грецизмах с исконным *υ*, уже упомянутых выше: **ЗмҮръна** 24об., **тҮрова** 25, **кҮмень** Sin. Slav. 6/N, 8об., **скҮмень** 36. Единственное, что можно сказать определенно об этих написаниях, это то, что в них Ү служит более точной транслитерации греческого слова. Определить значение Ү в грецизмах первого почерка БСП едва ли возможно даже при сопоставлении с употреблением этой буквы в написании славянских лексем. С одной стороны, в них мы встречаем такое использование буквы Ү, которое соответствует употреблению графемы ю: **лҮга** / 10, **пҮтрҮ** вос. 36об. С другой стороны, использование буквы Ү вместо оҮ или ж (**ж**) убеждает в неопределенности ее функции: **глҮха** 36об.; **сҮть** 7, **зҮви** 36, / **вҮстанҮ** 36об., (**пҮтрҮ** и) **гҮсли** / 36об.; **пҮрҮ** асс. sg. 12. Буква Ү обозначает здесь фонему <u> безразлично к тембру в слого, что сопоставимо с использованием буквы ж: **жҮтрашишасл** Sin. Slav. 6/N, 6, **пжҮть** 7об., но **монж** 3об. Примеры показывают, что употребление буквы Ү в первом почерке БСП местом в строке не обусловлено. Единственное исключение – написание **скҮмень** 36, где “укороченный” вариант буквы Ү действительно использован в конце строки. Необозначение тембра в пределах слога, которое проявляется в употреблении буквы Ү как после букв исконно палатальных и палатализованных согласных, так и после букв твердых согласных, можно объяснить, если выявить закономерности адаптации грецизмов с исконным *υ* на славянской почве.

Среди возможных способов чтения грецизмов с исконным *υ* были не только “классическое” произношение или итацизм. Три примера с оҮ в соответствии с исконным *υ* мы встречаем у первого писца БСП: (/ И и) **оҮпостгась** 18, (**И**) **оҮпостгась** 18, греч. *ύπόστασις*; **оҮсофъмь** 31, греч. *ύσσωλος*. У второго писца отмечено написание (**вҮ**) **тҮрҮѣ** 70; ср. в Путятиной минее: **оҮпостгасьноҮю** 93об.-15, **асҮрийскҮий** 54-1. Как показывают примеры второго почерка БСП и Путятиной минее, передача грецизмов с исконным *υ* с помощью оҮ или ж может сосуществовать с тем фактом, что буква Ү (= ю) в славянских лексемах используется только для обозначения <u> в сочетании <C'u> или <C'u>. Описанные примеры опровергают утверждение, что “[в] славянских рукописях греч. *υ* передается буквами Ү–ю–и, изредка (с XII в. у восточных славян) также и оҮ. <...> В древнерусских памятниках XI в. греч. *υ* передается только через Ү (ю)” (Колесов 1973, 176).

К написаниям типа **тҮрҮѣ** имеются многочисленные параллели, часть которых была описана П. Дильсом (Diels 1932, 27–28): *ἀνθύπατος*

Πολυκάριπος (207); ср. греч. *σὺν Γαίῳ, τῷ σοφῷ* (сѣ Ганкъ мѣдрѣимъ, 198), которое передано в Синод. как *соунгаиоуѣдрѣимъ* (209). В тексте Синод. обращает на себя внимание пример *Κγιοπτανγῆνι Ἀιγυπτία* (204). Это единственный случай соответствия славянского ю греческому υ в этом каноне, тогда как в остальных случаях греческой букве υ соответствуют ҃, о҃ (и). Следовательно, на употребление буквы ҃ и установление ее значения в отдельной рукописи может влиять традиция употребления определенных лексем в книжном языке либо в идиолекте писца (ср. Worth 1999). Об этом же свидетельствуют написания типа *ѣжпѣтъ* в Изборнике 1073 г., в котором, как будет показано ниже, все грецизмы с исконными υ и οι адаптированы в соответствии с особенностями строения славянского слога.

Относительно славянской адаптации грецизмов с исконным υ и появления на его месте о҃ высказывалось утверждение, что “[о]тражение греч. υ в старославянском и древнерусском языках вызывало затруднения из-за отсутствия в этих языках соответствующего звука” (Архипов 1995, 332; ср. Селищев 2001, 94). Такое объяснение не раскрывает причины появления разных способов адаптации грецизмов с исконным υ, которые на славянской почве могли передаваться не только с помощью о҃, но и с помощью ю. Интересно, что А. М. Селищев (2001, 27) объяснял формы типа *Куприян, Курил* также адаптацией, но на уровне не гласных, а согласных: “Применялся и другой способ замены мягкого к’ (z’) в заимствованных словах – его передавали посредством твердого к (z)”.

Для объяснения написаний типа *о҃упостаъ, со҃ухарь* необходимо прежде всего учитывать особенности позднепраславянской фонологической системы, связанные с сочетаемостью согласных с гласными переднего ряда. Это значит, что изучать надо не фонему, а сочетание согласной фонемы с гласной, поскольку именно на уровне сочетаний фонем в позднепраславянском языке устанавливались смысло-различительные тембровые отношения. На славянской почве фонема <u> выступала только после твердых, а также после исконно палатальных или исконно палатализованных (ć, s’, z’) согласных. В грецизмах с исконным *ii* (согласно “классическому” произношению υ) перед ним как гласным переднего ряда на славянской почве должен был развиваться либо палатализованный, либо невелляризованный и непалатализованный (“полумягкий”) согласный. В результате в грецизмах появлялось сочетание C’ (C’) + *ii* → C’ (C’) + *u* (типа *мюро / муро*), где C’ – не исконный палатальный и не ć, s’, z’ (из *k, *χ, *g после *i, *ь, e, *ьr). За редкими исключениями такое сочетание было невозможно в исконных славянских словах³⁰ и поэтому, в соответствии с внутрен-

ними закономерностями функционирования славянской фонологической системы, изменялось в $C + u$. Следовательно, в написаниях типа **въ тоуѣѣ** отражается не фонетическая или артикуляционная, а фонологическая адаптация исходного греческого сочетания $C + \ddot{i} \rightarrow C'$ (C') + $u \rightarrow C + u$.

В работе А. Б. Страхова (2001, 21) произношение имен собственных, восходящих к греческим словам с исконным v , иллюстрируется материалом разнообразных источников, который объясняется так: “Думается, что <...> древнее смешение ижицы с монографом, вызвавшее субституцию ижицы диграфом **оу**, привело к озвучиванию ижицы как [u] в церковной и «околоцерковной» речи (главным образом в личных именах) <...>. На Руси из церковного употребления эта черта проникла в речь народную”. Методика, основанная на невнимании к фонологической стороне письма, не в состоянии объяснить, как появились в русском языке фамилии *Чурилов*, *Чурилин*, *Чуриков*, *Чуринов* (Унбегаун 1995, 83), а также упомянутые выше имена *Чурило* и др. (Как было показано выше, здесь произошел переход k в \check{s} перед исконным греческим \ddot{i} .) Эти формы нельзя отрывать от форм типа *Перхуров* (\leftarrow *Πορφύριος*), *Фурсов* (\leftarrow *Θύρσοϛ*), *Труфанов* (\leftarrow *Τρύφων*)³¹ и др., которые проницательный Б. О. Унбегаун (1995, 47) объяснял изменением греческого \ddot{i} в u “в позиции после согласного”, учитывая тем самым не гласную или согласную отдельно, но их сочетание. Материал рукописных источников, русская ономастика и особенности строения позднепраславянской фонологической системы показывают, что фамилии типа *Чурилов* и *Курилов* представляют собой два возможных способа адаптации исходного греческого сочетания $C + \ddot{i}$: в первом случае отражен переход заднеязычного в аффрикату, а во втором – изменение исходного сочетания $C + \ddot{i}$ на славянской почве в $C + u$.

При адаптации грецизмов с v (\ddot{i} , согласно “классической норме”) в анлауте действовала аналогичная закономерность, как и в примерах с исходным $C + \ddot{i}$. Отличие заключалось в том, что всякое неприкрытое u , продвинутое в передний ряд, в славянском анлауте было (и остается!) невозможным не только фонологически, но и фонетически³². Произношение такого [ü] будет указывать либо на акцент³³, либо на имитацию иностранной речи. Такая ситуация в древности закономерно вызывала переход $\ddot{i} \rightarrow u$. Действие этой закономерности отражается в примерах первого писца БСП: **оупостась** 18, греч. *ὑπόστασις*; **оусофъмь** 31, греч. *ὑσσωπος*. Этот же переход является причиной преобладания написаний с **оу** в акрониме **оупостась** в различных списках Азбучной молитвы Константина

Болгарского (Veder 2000, 82). В одном ряду с рассмотренными изменениями следует рассматривать и происхождение фамилии *Упатов* (\leftarrow $\Upsilon\acute{\rho}\alpha\tau\iota\omicron\varsigma$) (Унбегаун 1995, 47).

Интересную подробность к истории слова $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$ в церковно-славянском языке добавляют написания **трьѣпостасно** 9-5, **трьѣпоста/сьноу** 97-10-11 Путятиной минеи. По поводу этих примеров А. Б. Страхов (2001, 20) заметил, что “элементарная грамотность не позволяет увидеть протетический j в употреблении **ѣж** на месте ипсилона”. Возразим, что развитие йотовой протезы в данном случае фонологически абсолютно закономерно, так как именно она устраняет неприкрытый слог с исконным i (i), тем более что трудно предположить иное чтение буквы **ѣж** в этом слове, кроме как ji . Нельзя не знать и того, что буква **и** в композите с исконным **трь-** объясняется только как передача на письме нейтрализации $\langle i \rangle$ и $\langle \epsilon \rangle$ перед j , которые в этой позиции совпадали в \check{i} (i напряженном). Следовательно, перед нами не что иное, как редкий случай фонологической адаптации грецизма с исконным i в анлауте за счет развития перед гласным переднего ряда йотовой протезы. Предложенное объяснение только подтверждает ранее обоснованную интерпретацию написания **трьѣпостасно** 9-5 и других ему подобных форм как свидетельства развития в этом слове йотовой протезы (Соболевский 1901, 396; Крысько 1999, 229). Распространенные случаи фонологической адаптации грецизмов с исконным i в анлауте не означают, что какой-либо звук из ряда $[\check{i}]$, $[\check{u}]$, $[\check{u}]$, $[\check{u}^{\cdot}]$ вообще не мог произноситься в формах типа **ѣпостась** или **ѣпатъ**. Хотя фонемы $\langle i \rangle$ в славянских языках и диалектах не существовало (и до сих пор не существует), фонема $\langle u \rangle$ в одном из своих аллофонов переднего ряда или даже звук $[\check{i}]$ могли произноситься в соответствии с начальным Υ в грецизмах, с помощью чего имитировался исконный облик заимствованного слова.

Наряду с соответствиями $v \leftrightarrow \Upsilon$, $v \leftrightarrow \omicron\Upsilon$, $v \leftrightarrow \Upsilon\upsilon$, $v \leftrightarrow \Upsilon\upsilon$ (Ѣ): *Βουλβί* **вѣли** • / Супр. 489 (235-28); *τοῦ Ῥούφου* **рѣфовоу**. / Мар. 181, 1; *Σαδδουκάιος* (**и**) **сѣдкен** Мф. 16:1 Мар. 54-24³⁴; *τῶν Σαδδουκίων* **сѣдкенска**. Мф. 16:6 Мар. 55-14, Мф. 16:11 Мар. 55-26, **сѣдкенска** ∴ Мф. 16:12 Мар. 56-2; *σοῦδάριον* **сѣдарь** Ин. 20:7 Мар. 397-15, **сѣдар**. Асс. 316 (155b-21-22); *Φουρτουνάτος*, вар. *Φουρτουνάτιος* **фѣртоу/наттианоу** Супр. 367 (174-22-23). Эти примеры уточняют общее утверждение, что буква Υ “in vocibus originis graecae litteram graecam v reddere solet” (SJS 52 (1997), 1040). В согласии с теми примерами, где буква Υ передает греческий диграф ou , в Мар., как отмечал еще В. Ягич (Ягичъ 1883, 422), буква **Ѣ** (v) употреб-

ляется в славянской лексеме **втро** (согласно наблюдениям В. Ягича (Ягичъ 1883, 422), формы **оутр-** в Мар. преобладают над формами **ютр-**) и в славянских флексиях грецизмов в соответствии с **оу**. Это доказывает, что значение буквы **Ѣ** (**v**) в Мар. тождественно **оу**. В Сав. 339 (746(726)-14) отмечена аналогичная форма (**палма**^т **вави-нѣ**) **лѣву** · (пятая буква от края строки, в месяцеслове). В Sin. также известны написания того же типа: **вгльбж**, **ввльзе** (Пс. 9:16) (SJS 45 (1995), 597), в том числе упомянутые выше **въздраднѣса** (Пс. 9:3), **вѣрнѣж** (Пс. 26:13) (Diels 1932, 41).

Одной из наиболее древних и известных рукописей, в которой буква **ѣ** употребляется для обозначения фонемы <u> после твердых согласных, является Изборник 1073 г. (Илчев, Велчева 1995, 49). О том, что буква **ѣ** в Изборнике 1073 г. выполняет именно эту фонологическую функцию, свидетельствуют три группы написаний: а) **ѣ** употребляется как соответствие греческому *ou*, б) буква **оу** регулярно употребляется как соответствие греческим *v* или *oi*, в) буква **ѣ** употребляется как соответствие диграфу **оу** в славянских лексемах:

а) **иѣсѣсъ** · / 699 (253а-20), **иѣсѣсъ** · 700 (253в-16-17), **иѣсѣ** · **ѣ** · / 701 (254б-20); **иѣвѣсѣа** · 472 (139г-22), греч. *ἰεβουσαῖον* 121об.; **иѣнѣуѣрѣ** · / 695 (251а-7); **сефарѣиѣа** · 510 (158в-27) (греч. *τοὺς ... σεφαροναίους* 124об.);

б) **анѣкоурѣта** ∴ ∴ / 467 (137б-10); ср. греч. *Ἀγκυρωτός*; **вавоулонѣ** 501 (154а-2), **вавоулонѣ** 389 (97а-14), 705 (256а-15); **вавоулоньскоу** 481 (144а-15), **вавоулоньскоу** · 483 (144г-13); **вавоулоньскы** 501 (154а-1-2); **вавоулоньскыи** 442 (123г-5-6), **вавоулоньскыи** 498 (152в-5-6), **вавоулоньскоуѣж** 480 (143г-7-8), **Хроусостомово** 441 (123б-14) и др.: 427 (116а-18), 558 (182г-5-6), 499 (153б-3), 599 (203б-4), 499 (153а-29), 696 (251в-8), 701 (254б-10), 675 (241а-16-17), 704 (255г-5), 500 (153г-14-15), 499 (153б-7), 499 (153б-14), 656 (231г-7-8), 598 (202г-26-27), 471 (139а-2), 471 (139а-27), 599 (203б-14-15), 716 (261г-1), 508 (157в-16), 668 (237в-23), 514 (160в-17);

в) : **хѣдо ѣ** / 403 (104а-9), **ѣ/стройтъса** 596 (201в-24-25), **ѣѣдинѣнаѣ** · 536 (171в-19), **иѣфѣфѣ** / dat. sg. 471 (139а-9). В этот же ряд нужно отнести написания **ѣгъ** · 468 (137г-22), **ѣгъ** / 472 (139в-22)³⁵. Поскольку в Изборнике 1073 г. буква **ѣ** не используется в качестве эквивалента **ю** в написании славянских лексем (ср. иначе Соболевский 1883, 141, примеч. 4)³⁶, нужно признать необоснованным замечание, что “ижица как субститут **ю** <в написаниях **ѣгъ**. – Р. К.> на краю строки вполне оправданна” (Страхов 2001, 21). Добавим, что только в одном из двух написаний буквы **ѣ** в анлауте она находится в конце строки³⁷.

Тождественность фонологических функций букв **ү** и **оү** хорошо видна в том, как переданы на письме многочисленные морфологически неадаптированные этнонимы, упомянутые в отрывке одного из сочинений, посвященного генезису различных народов (лл. 138а-139б). Особенностью использованных в нем этнонимов является то, что многие из них употреблены в неадаптированной форме *nom. plur.* и фактически представляют собой транслитерацию греческих словоформ, причем греческая флексия *oi* часто передается с помощью буквы **ү** или диграфа **оү** независимо от конца строки; ср.: **акүнтинү** 139б-7, **нелүмелү** · **асүрї/ү** · ... **лүдү** · ... **нєврѣ/и** · **нндоү** 469 (138а-17-21), **вактирианоү** · 469 (138а-22), **савелү** 469 (138б-27) *Σαβαίτοι* и др.

Употребление буквы **ү** в значении <u> после твердых согласных и последовательная адаптация грецизмов с исконным *v* в соответствии с особенностями сочетаемости славянских фонем в пределах syllable не означают, что во всех грецизмах с исконным *v* читалось сочетание <Cu>. В некоторых из них в Изборнике 1073 г. употребляется ю: **сюри/исцѣи** 499 (153б-6-7), **кюрѣ** 706 (256в-24) (*ἐπὶ Κύρου*, 206); **Кюрилово** (123а-3), **ан/кюрота** 441 (123-21-22). Из этого ряда единичных исключений ярко выделяется лексема **нѣжпѣтъ**, в которой последовательно отражается фонологическая адаптация исконного сочетания заднеязычного с *i* за счет перехода $g (\gamma) \rightarrow g' (\gamma') \rightarrow j$: **нѣжпѣта** · 516 (161в-5-6), (185в-3), **нѣжпѣта** 564 (138в-27), **нѣжпѣта** · 502 (154г-24), **нѣжпѣтскоүж** 480 (143г-8-9) и т. п.³⁸ Преобладание таких написаний над формами типа **нѣгоүпта** в Изборнике 1073 г. доказывает, что бытование лексемы **нѣжпѣтъ** в этом памятнике не зависит от основной закономерности фонологической адаптации грецизмов с исконным *v*. Написания **Кжрилово** 436 (120г-14), **кжра (града)** 441 (123б-27) нельзя рассматривать однозначно, так как буква **ж** в Изборнике 1073 г. может употребляться вместо ю (правда, в основном после букв исконных палатальных).

В свете данных Златоустра Бычкова и Изборника 1073 г. стоит пересмотреть следующее наблюдение издателей Синайского патерика (XI в.), касающееся употребления в этой рукописи буквы **ү**: “В словах неславянского происхождения нередки случаи смешения букв **оү** и **ү** (“ижица”), при этом имеются примеры как с **оү** вместо **ү** <...>, так и с **ү** (“ижица”) вместо **оү** <...>. В словах славянского происхождения случаи употребления **оү** в виде **ү** единичны и, очевидно, являются описками” (Гольштенко, Дубровина 1967, 24). Выше было сказано, что описки не имеют отношения к развитию у буквы **ү** значения <u> в сочетании <Cu>. Следовательно, Синайский патерик наряду со Златоустром Бычкова и Изборником 1073 г. является одним из памятников

XI в., в которых буква ψ последовательно используется как эквивалент $\sigma\psi$ (ср. выше замечание В. С. Гольшенко о “маловероятности” для XI в. употребления ψ в качестве эквивалента диграфа $\sigma\psi$).

Развитие у кириллической ψ (ν) или глаголической Ψ значения <u> в сочетании <Cu> объясняется из особенностей фонологической адаптации грецизмов с исконными *υ, οι*. Греческие сочетания типа *Cii* изменялись на славянской почве в *Cu*, в связи с чем исконной фонеме <i> соответствовала славянская фонема <u> в сочетании <Cu>. Аналогичный процесс происходил в анлауте. Поскольку греческое *υ* могло отражаться как <u> после твердого согласного и передаваться графически как $\sigma\psi$, то славянские ψ (ν) или Ψ тоже могли обозначать <u> после твердых согласных и совпадать по своим функциям с $\sigma\psi$. Таким образом, обе функции буквы ψ – 1) обозначение фонемы <u> после исконно палатальных (и палатализованных) согласных и 2) обозначение фонемы <u> после твердых согласных – в славянских рукописях XI–XII вв. обусловлены закономерностями фонологической адаптации на славянской почве грецизмов с исконными *υ, οι*.

Ряд примеров, собранных в работе А. Б. Страхова (2001, 16), позволил ему судить о том, что буква ψ в конце строки в отдельных рукописях может выступать как графически более узкий, или “экономный”, эквивалент диграфа $\sigma\psi$; например, в Изборнике 1076 г.: *прѣ[м]ψ/дриса* 141об.-2-3, */волѣзни гонезнѣти · то /* 72об.-6, */ бѣψ* 195об.-13, *а ψпиватиса* 265об.-2, *лѣннвψмоψ ·* 79об.-5; Минея 1095 г.: */ Юко свѣтозарнѣ* 13а, *хѣψ* 27б, *премψдрѣ* 27а, конец стихирь; Мстиславово евангелие: *въ сарѣф·ψ сндо/ньскою* 71в. Отсутствие исчерпывающей статистики не позволяет понять, представлена ли в перечисленных примерах реальная закономерность или же мы имеем дело с отдельными попытками адаптации буквы ψ к оформлению конца строки. Судя по перечисленным примерам из Изборника 1076 г., закономерности в них нет: из пяти примеров буквы ψ , приведенных А. Б. Страховым, в конце строки отмечен лишь один³⁹.

Вызывает вопросы комментарий по поводу написания *лѣннвψмоψ ·* 79об.-5: “Последнееписание фигурирует в середине <строки. – Р. К.>, и, если бы к тому была надобность и чисто техническая возможность, могло бы выглядеть как **лѣннвоψмоψ*” (Страхов 2001, 16). Из объяснения А. Б. Страхова остается неясным, чем обусловлена эта “чисто техническая возможность” – шириной столбца? Тогда нужно ввести строгие критерии того, какой столбец считать широким, а какой узким, и затем определить, за сколько знаков до конца строки начинает действовать принцип экономии ... В противном

случае само понятие конца строки потеряет определенность⁴⁰. По-видимому, предполагается, что при оформлении конца строки, стиха или заглавия писцы действительно старались заранее, уже начиная писать строку, сэкономить пространство драгоценного пергамента. Однако “[в]ряд ли только стремлением к экономии места можно объяснить, например, отмеченные в УЕ¹¹ <11-й почерк Учительного евангелия Константина Болгарского XII в. (ГИМ, Син. 262). – Р. К.> написания: ѡ/слѣди 216а 20, заѡ/вѣди 215б 4, сътѡ/ристе 216а 10, тем более что писцы не стремились строго, как это делали они в отношении левой стороны столбца, соблюдать ровной правую его сторону” (Гольштенко 1982, 24, сноска 57). Это наблюдение подтверждается примерами третьего почерка БСП, где буквы ѡ и ѡ̄ (ѡ̄) употребляются в конце стиха, после которого может оставаться незаполненным значительное пространство, иногда больше половины строки: **отъпа/дѡть** ∴ ↵ 13; кедр1 / 15об. и др. Схожая ситуация отражена в гадательных приписках БСП⁴¹, где используются известные приемы маркирования конца строки даже тогда, когда слово находится в ее середине (Кривко 2004₁). Оформление конца строки и вообще всяких в прямом смысле слова “маргинальных” элементов текста связано с восприятием этого записанного текста не только как смыслового единства, но и как единства графического, зрительного. В этом отражается особая, нефонетическая (символическая?) сторона средневекового письма, исследование которой представляет отдельную проблему (Кривко 2004₁; литература).

В изучении вопроса о неоднозначности буквы Ү в древнейших славянских рукописях нужно принять во внимание также эволюцию *ii* (графически *v*) в греческих диалектах эпохи средневековья, так как в некоторых из них исконное *ii* развивалось в *и*, а отдельные лексикализованные формы с *ov* на месте *v* проникли в койнэ (Hatzidakis 1892, 103–104). Для точного решения этой проблемы было бы полезно сопоставить диалектное членение среднегреческого языка с локализацией древних славянских рукописей, в которых грецизмы с исконным *v* передаются с помощью **оу**, однако такая задача едва ли выполнима (по крайней мере, моими силами в рамках данной статьи ...). Показательно, что описание грецизмов Хроники Иоанна Малалы “лишь отчасти” (Чернышева 1994, 448) подтверждает позиционные закономерности изменения *ii* в *и* в греческих диалектах (Hatzidakis 1892, 103–104). Добавим, что изменение всякого греческого *ii* (*oi* и *v*) в *и* независимо от позиции известно в средневековых греческих диалектах Малой Азии, Палестины и Синая, что хорошо отражается в грузинских рукописях древней редакции Ирмология, так как грузин-

(фессальской) группе говоров ионического наречия, где рефлекс *ω* в виде *u* сохраняется до настоящего времени; для славянского материала важно то, что, по мнению ряда исследователей, такое произношение легло в основу койне (Bartoněk 1966, 49–51, 180–183; Jurewicz 1992, 37).

Особого рассмотрения заслуживают примеры с буквой Ү на месте ж (ѣ): зҮби Зб., вҮстанҮ Збоб., гҮсли Збоб., пҮрҮ асс. sg. 12, сҮть 7. Неоднозначность фонетического значения буквы Ү в этих примерах сопоставима с функциями буквы ж в восточнославянских рукописях, которая отмечается и у первого писца БСП: мѡѣж Зоб. Аналогичные примеры известны в Реймском евангелии XI в., в Пандектах Антиоха XI в., в обоих почерках Изборника 1073 г., в Изборнике 1076 г. и в рукописи 13-ти слов Григория Богослова (Соболевский 1887, 148–149; Дурново 1927, 710; 1924–1927, 403; Колесов 1973, 178–179; Тот 1985, 167; Гольщенко 1987, 143; Баранкова и др. 1988, 6–8), в Житии Кондрата XI в. (Миронова 2001, 186–187). Такие написания в рукописях с архаическими орфографическими особенностями связаны с почти полным отсутствием йотированных букв в Реймском евангелии (по одному разу ѣ и ю) (Соболевский 1887, 148–149; Дурново 1924–1927, 403; 1927, 710) и Житии Кондрата (Миронова 2001, 190–191). Реймское евангелие, кроме этого, содержит только один ь (ъ отмечен лишь в составе диграфа чь) (Соболевский 1887, 148–149)⁴³.

Использование нейотированных букв гласных после букв палатальных и в начале слога объяснялось в контексте суперсегментной фонологии (Кривко 1998, 64–66; литература) как результат влияния глаголической традиции, где не существовало специального внутристрочного знака для йотации⁴⁴. Хотя в глаголической азбуке присутствует специальная буква, обозначающая фонему <ɨ> после палатальных согласных (ѣ), и она представлена в трех из четырех древнейших глаголических алфавитов (последняя часть самого древнего, Преславского, утрачена) (Marti 1999, 184, 187, 188, 193, 200), не все глаголические рукописи используют эту букву, она отсутствует в Зографском палимпсесте (Marti 2000, 71; ср. Nuorluoto 1995–1996, 310). Среди нескольких глаголических букв, отмеченных в тексте кириллического Ен., после буквы гласной один раз “слабо личи някаква буква, която твърде много прилича на глаголическо ѣ [ж]” (Мирчев, Кодов 1965, 57): шѡҮдиѣ Ен. 57 (13а-18). Этот факт объясняется не столько влиянием гипотетического глаголического протографа, сколько особым типом кириллического письма, основанным на глаголице, в которой не было специального знака для йотации (ср. Гольщенко 1987, 143–144). Как известно, кириллическая пара ѣ для

глаголического диграфа **ѡѢ** отсутствует в Ен., так же, как и в нескольких других старославянских памятниках (Листки Ундольского, Македонский кириллический листок, надпись царя Самуила), на ее месте пишется **ж** (Карский 1899, 566; 1904, 586–587). Под влиянием основанной на глаголице “безйотовой” традиции в кириллической орфографии сложилась ситуация, когда после букв исконно палатальных согласных буквы **ю** и **оу** оказались взаимозаменяемы, чем и объясняются написания Ен.: “**блѡудѣте** 3а, **възлѡ/бени** 22а, **възлѡуби** 23б”, в котором “срещаме обаче и обратни случаи, например, **люѡе** 6б, **люѡъша** 10б, **помилѡи** 31а. <...> Подобни аномалии в по-голям се срещат в Слѣпч.” (Мирчев, Кодов 1965, 208). Аналогичные примеры содержатся и в Супр.: **/лоуѡ** 555 (547-4), **неклоуѡи.мааго** 201 (370-7), **неклоуѡи.маа/го** 217 (378-2), **плоуѡшта** (т. е. **плюѡшта** ‘легкие’) 349 (165-10); ср. **лоуѡгостъ** 443 (212-14). В связи с утратой носовых буквы **ю**, **оу** могли не только взаимозаменяться, но и выступать на месте исконного **ж**; ср. у первого писца БСП **лоуѡгъ** 20, **завлюдиша** 36об., **люкавънѡиухъ** 1, **люкъ** 37, **люѡъши** 40об., **люкавъно** / 41об.; в Триоди Моисея Киянина: (**дрѣва**) **люжнаѡ** 97 (Гальченко 2001, 36⁴⁵), **влюдницю** 1об., **люкаваѡго** 72об.

В восточнославянских и сербских рукописях обозначение тембра в слогѣ с <u> было осложнено утратой носовых и изменением фонологических функций буквы **ж**, которая, как было сказано выше, могла употребляться и после букв твердых, и после букв исконно палатальных и палатализованных согласных. “Безразличие” к тембру слога, содержащего <u>, отражалось в написаниях не только с **ж**, но и с **ѡж**, о чем говорит пример **вѡжди** в Пандектах Антиоха (Popovskij 1989, 98), на который нам указала А. Н. Шаламова. В связи с неразличением на письме тембровых характеристик слогов с <u> (из <ѡ>, *<ou>) в Реймском евангелии **ж** регулярно выступает в функции **ю**: **съвѡждаше** 5об., **лѡдин** 7 и др. (Тот 1985, 107, 148; см. также примеры в работе Крысько 2001, 101).

Гиперкорректной транслитерацией такого **ж**, в соответствии с особенностями древнерусской фонетики, является диграф **оу**, отмеченный в Реймском евангелии в позиции после букв палатальных: **землоу** 15, 24об., **изгоноу** 11об., **поустѡноу** 16, **посълоу** 16. Одно написание такого типа встретилось у первого писца БСП: **мѡтѡноу** 8. Подобные примеры отмечены в Изборнике 1073 года (Колесов 1980, 90–91) и в берестяных грамотах № 421, Смол. 717, № 675, № 717 (Зализняк 1995, 64). Аналогичные древнерусским написания с взаимной меной **оу** – **ю** (при обозначении <u> из <ѡ>, *<ou> после букв исконно па-

латальных) известны в большом количестве в древнейшем требнике (конец XIII в.) сербской редакции (Музей Сербской Православной Церкви в Белграде, собр. Радослава Груйича, 3–I–65): **пом(н)люио** 1а; 5а (2 раза), 5б; **лоу҃ты** 7а; **заблюждьшаго** 1а и т. д. (Симић 1976, 65, 67), это явление “упућује на глагољску традицију” (Симић 1976, 55).

Буква **ж** могла заменяться буквой **ю** не только после букв палатальных. Впервые фонологическую интерпретацию написаниям **сють**, **мюжь** в сербских рукописях XII–XIII вв. предложил В. В. Колесов (1973, 189), который увидел в них особенности развития тембровых характеристик слогов с исконным **ǰ** после палатальных. Однако “сербские” написания имеют многочисленные восточнославянские параллели. Уже в древнерусской Чудовской псалтири XI в. А. Б. Страховым отмечено написание **сю/ѣтин** 139а (Погорѣловъ 1910, 77). В Триоди Моисея Киянина (XII в.) два аналогичных написания с буквой **ю** на месте исконного **ж** описаны М. Г. Гальченко (2001, 36): **лю/дростню** 79, **оюцѣствьнага** 212. Относительно этих примеров было замечено: “... такие ошибки были обусловлены тем, что в протографе буква **ж**, которая употреблялась в этих словах, могла писаться и после твердых, и после мягких согласных, и поэтому ассоциировалась у писца как с графемами **ѣ**, **оу**, так и с графемой **ю**.” (Гальченко 2001, 36). Это объяснение с некоторыми уточнениями применимо и к древнерусской орфографии XI–XIII вв. в целом, если не абсолютизировать идею о влиянии протографа⁴⁶.

Интересную динамику развития написаний с этимологическим **ж** показывает материал Мин. дек. XII в. (РГАДА, ф. 381, № 96). Сплошной просмотр рукописи дает следующую картину (в выборке не учитываются написания буквы **ю** после букв исконно палатальных типа **люць**). Написания **ю** для обозначения <u> из <ǰ>: **сюдица** 15об., **мюже-оу/мьнага** 15об. и др., всего одиннадцать примеров; пять написаний **ю** для обозначения <u> из *<ou>: **дюшо** 20об., **ѡтоудю** 35, **мирю** 35, **пастюха** 3б, (**прѣкоу илии рвьнюѣта**) **ноаню** (также **крѣстителиви**) 48об. В этом же источнике отмечен ряд написаний, которые раскрывают отношение писца к использованию буквы **ю** вместо ожидаемой **оу**: во многих случаях буква **ѣ** написана после пробела по затертой букве **ю** (Gottesdienstmenäum I, XXX, LIII). Написания **ѣ** из **ю** для обозначения <u> из <ǰ>: **м ѣчительства** 3, **добр ѣю** 10об. и др., 34 примера; **ѣ** из **ю** на месте для обозначения <u> из *<ou>: **вогораѣ ѣмьнѣи** 1об., **ѣист ѣ** (dual.) 5 и др., 31 пример. Всего буква **ю**, включая исправления, была написана для обозначения <u> из <ǰ> 45 раз, а для обозначения <u> из *<ou> – 36 раз. Количественное соотношение примеров из

обеих групп, в сопоставлении с аналогичным материалом Чудовской псалтири, Триоди Моисея Киянина и упомянутых выше сербских рукописей, позволяет заключить, что написания буквы ю на месте оу появились в декабрьской минее под влиянием написаний с ю на месте ж⁴⁷. Утрата ринезма и непоследовательное употребление буквы ж после букв исконно палатальных и после букв твердых согласных привели к тому, что ж (и этимологически правильный, и гиперкорректный) стал заменяться как на оу, так и на ю. Это вызывало неустойчивость в орфографических навыках и приводило к неопределенности в передаче на письме тембровых смысловозначительных отношений в слогах с <u> (из *<ou> или из <o>). Несмотря на эту неопределенность, употребление буквы ю на месте исконных ж или оу все же воспринималось писцом декабрьской служебной минее как ошибочное, о чем говорят многочисленные исправления ю на Ѹ.

В кириллических памятниках, отражающих переход <o> в <u>, буква ж передавалась двояко: в виде оу и в виде ю. В результате большой юс приобрел ту же многозначность, которую в отдельных случаях проявляет буква Ѹ, также употреблявшаяся вне устойчивой связи с тембровыми характеристиками слога. Поэтому в целом нельзя не согласиться с мнением В. В. Колесова (1973, 179), что “ж является не знаком носового гласного после твердого согласного, а своеобразной заменой Ѹ в рукописях, где <...> ж утратил прежнее значение”.

Таким образом, в древнерусских рукописях мы находим еще один фактор многозначности буквы Ѹ. Он связан с тем, что тембровые характеристики слога с исконным <o> могли передаваться с помощью буквы ж независимо от качества предшествующего согласного. В древнерусских и сербских рукописях, отражающих утрату <o> по общей модели, транслитерацией этого юса после букв исконно палатальных становились буквы ю, оу (ср. люкъ и милостъиноу) и Ѹ, все они могли употребляться безразлично к качеству предшествующего согласного. По образцу сочетаний букв исконно палатальных с ю или Ѹ транслитерация изначального ж в виде ю или Ѹ наблюдается также после букв твердых согласных (сѣтъ, мюдр-, сют-) или оу после букв исконно палатальных (лоутъ), где оу использовано вместо ю (= ж после букв исконно палатальных; ср. лжди).

Проведенное исследование приводит к следующим выводам. Функции буквы Ѹ в древних славянских рукописях, отраженные в БСП, обусловлены различными способами адаптации грецизмов с исконными *u* или *oi* на славянской почве. Буква Ѹ выступает как эквивалент ю вследствие того, что грецизмы с исконным *u* произносились

согласно “классическому” звучанию этой буквы. Это означает, что согласный перед <u> в грецизмах с исконными был палатализованным либо “полумягким”. Функция буквы Ү как обозначения фонемы <u> в сочетании <Cu> развилась под влиянием закономерностей фонологической адаптации грецизмов с исконным сочетанием *Cii*, которое на славянской почве изменялось в *Si*. Поскольку большой юс мог обозначать фонему <u> безразлично к тембру в слоге, на древнерусской почве стало возможным также функциональное сближение букв Ү и ж. Наряду с функциями фонологическими (обозначение фонемы <u>), буква Ү выполняла функции зрительно-эстетические, или символические: обозначение конца строки и маркирование грецизмов с исконными *v, oi, ou, ω, ι, η*. Зрительно-эстетические и фонологические функции могли выполняться параллельно, в результате чего изменялся фонемный состав отдельных грецизмов. Буква Ү, благодаря развитию итацизма, стала обозначать фонему <i> не ранее XIII в. Фонологическое значение <i> утвердилось у буквы ѣ в современном церковнославянском языке, оно сохранялось и у “гражданской” буквы “ижица” до кадетско-большевистских реформ орфографии 1917–1918 гг., когда из русского письма была устранена графема, ранней истории которой посвящена данная статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приношу глубокую благодарность профессору В. Б. Крысько (Москва) и профессору Х. Микласу (Вена) за щедрые и бескорыстные консультации и ценные замечания, высказанные при обсуждении готовящейся статьи. Выражаю свою признательность также А. А. Пичхадзе (Москва) за многочисленные наблюдения и советы, связанные с орфографией глаголических памятников, и за помощь в знакомстве с новейшей научной литературой. Ряд уточнений по части истории греческого языка византийского периода был сделан К. А. Максимовичем и М. И. Чернышевой, за что выражаю своим коллегам по Институту русского языка им. В. В. Виноградова РАН искреннюю признательность.

² Далее в работе этот шифр не указывается.

³ Согласно Е. Д. Поливанову (1931, 234), “[к] <...> «иностранном» <...> чертам русской интеллигентской фонетики <принадлежал> <...> у, т. е. звук типа французского *u* <...>, немецкого *ii*. Звукопредставление это опять-таки ассигновано было для французских (а отчасти, пожалуй, и немецких) слов в русской речи, а с другой стороны, и для произношения греческих слов, поскольку греческие (как и латинские) термины в своей стандартно-классической форме (<сноска. – Р. К.>: т. е. в том виде, как они заучивались в бывшей классической школе) опять-таки могли фигурировать в интеллигентской речи, по крайней мере в речи на сугубо научные темы”. Мысли Е. Д. Поливанова находят подтверждение в русской поэзии XX в.: например, у Б. Л. Пастернака рифмуются формы *запорошИт* и *парашиЮт*, которые указывают, что поэт “по французскому образцу сохраняет в слове *парашиот* узкий звук *ii* и по немецкому образцу рифмует его со звуком *И* (который в свою очередь по русскому образцу подменяется позиционным вариантом *Ь*)” (Гаспаров 1996, 523–524).

⁴ Обзор других сведений о букве ψ см. в работах В. С. Гольщенко (1982, 6–10; 1987, 145–150).

⁵ В связи с этим невозможно полностью объяснить функции буквы ψ через произношение буквы u во французском (как в слове *brut*) или буквы \ddot{u} (“как в слове *Bühne*”) в немецком языках. На фоне этих параллелей кажется не менее вероятным, что буква ψ могла произноситься как [·u·] или как [·u] в современных русских словах *лютик* или *лютый*. Во всех приведенных примерах представлен звук [u], продвинутый в передний ряд на какой-либо стадии своего произношения. Степень его продвижения зависит либо от позиции, либо от того, имеет ли признак ряда фонологический статус в системе. Очевидно, что сопоставление русского [u], продвинутого в передний ряд в экскурсии или в рекурсии, с немецким умлаутом некорректно хотя бы потому, что, согласно данным общей фонетики, ярче выражен тот признак звука, который имеет фонематический статус (Зиндер 1979, 132).

⁶ Существование в праславянском языке невелиризованных и непалатализованных (“полумягких”) согласных перед гласными переднего ряда доказано Л. Л. Касаткиным (1999, 143–170; впервые: 1973 г.).

⁷ В работе А. А. Архипова (1995) пример приведен без указания на источник и с ошибкой: *Клоументъѣ*.

⁸ “Архангельская, или Померанцевская, ставротекa” из собрания Архангельского краеведческого музея. А. А. Мединцева (2000, 126) считает, что “написание ψ вместо и, ψ или \ddot{i} ” – “это так называемое гиперкорректное написание, когда мастер вместо «ижицы» в протографе пишет ψ , так как для русского писца «ижица» была равнозначна ψ ”. Согласимся без оговорок лишь с первой частью этого объяснения.

⁹ Аналогичный прием письма отмечен и в среднеболгарском Добромировом евангелии (XII в.), где кириллицей записана целая греческая фраза: *аминь аминь лего оминь*, греч. *λέγω ἄμιν* (Конески 1989, 99). Здесь ясно усматривается греческий диграф *oi*, который в среднегреческом языке мог произноситься и как *u*, и как *i* (ср. Miklas 2002, 300).

¹⁰ В этой же рукописи встретилось и написание ψ 149 (т. е. “Иисус”), которое свидетельствует о многозначности графемы ψ в источнике.

¹¹ Предполагаемое нами произношение подтверждается типологически близкими фактами имитации престижной иностранной речи средствами чужого языка, что может распространяться не только на заимствования; примером тому – созданный А. С. Пушкиным образ матушки Татьяны Лариной, которая “русский Н, как N французский, произносить умела в нос”. В более отдаленной исторической перспективе нашему читательскому взору предстает адресат одного из хрестоматийных посланий Гая Валерия Катулла. Высмеянный поэтом незадачливый грамотей пал жертвой эллинизации латинского языка, стараясь не к месту изобразить модные для своей эпохи греческие придыхание и заднеязычные щелевые на месте взрывных: “*Chommoda*” dicebat, si quando “*commoda*” vellet /dicere, et “*insidias*” Arrius “*hinsidias*”, /et tum mirifice sperabat se esse locutum, /cum, quantum poterat, dixerat “*hinsidias*” /<...> Ionios fluctus, postquam illuc Arrius isset, iam non Ionios esse, sed – Hionios.

¹² Рукопись цитируется по КДРС.

¹³ В монографии К. И. Невоструева, впервые опубликованной лишь в 1997 г., буква ψ передана (издателями?) как ψ (Невоструев 1997, 582).

¹⁴ Пример *кентуриона* неоднозначен и поэтому неуместен в этом ряду; ср. греч. *κεντορίων*, *κεντουρίων* (лат. *centurio*) (Liddell, Scott s. a., I, 939, sub verbo *κεντορίων*).

¹⁵ Как свидетельствует частично опубликованный (Верещагин 2001, 435) материал сербской служебной минеи XIV века (ГИМ, Хлуд., № 164), написание ψ может встречаться не только в конце строки, но и в предпоследнем ее слове: *мѣдре все/могы, прѣславень и все/мѣ сь/дѣтельь*; 95об.

¹⁶ В исследовании М. Г. Гальченко (2001, 35) буква Ү (*v*) не названа среди графем, использованных основным писцом Триоди Моисея Киянина, хотя Ү встречается в отмеченных ею примерах **ѡҮпраѡи/ама** 27, (**Доброт**ѡ) **ѡаковлҮ** 71, (**вдкты**) **влҮдисл** 36 (Гальченко 2001, 35, 36).

¹⁷ Особым исключением является Синайская псалтирь, где “имеется немало написаний с Э в м. юса малого нейотированного” (Селищев 2001, 272), вызванное графическим сходством глаголических букв Э и Э (последняя входила в состав диграфа ЭС – ж). В этой же рукописи отмечено одно написание с і вместо ы: **ѡзѡцѡхъ** (125об.) (Селищев 2001, 273).

¹⁸ Обе минеи здесь и далее цит. по Мин. дек.

¹⁹ Несколько десятилетий спустя М. Фасмер был менее уверен в этимологии русского *чур*: “Зеленин (Табу 2, 93) смело толкует *ѡгъ как «боже, упаси!» и производит его из греч. *kyrios* «господь»” (Фасмер III, 385).

²⁰ В историю канонического греческого имени *Γεώργιος* у южных славян вносит интересный штрих уникальное написание в месяцеслове Унд. 574 (3-40): **с. н. гюриа** (**самонты** и **авива**); ср. греч. *Gourias*. Оно объяснялось как результат паронимической аттракции с сербским рефлексом греческого имени *Γεώργιος* – *Ђура*, из-за чего написание **гю** в форме **гюриа** “произносилось, вероятно, вроде *ђу*” (Карский 1904, 591).

²¹ Процессы славянской адаптации грецизмов и тюркизмов с *й* после заднеязычных сопоставимы с первой палатализацией лишь типологически (ср. Борисенко 2003, 29).

²² Ср.: “... нам не известны другие ранние восточнославянские рукописи, в которых столь широко был представлен рассматриваемый знак” (Гольщенко 1987, 164), т. е. Ү: “[u]з ранних восточнославянских рукописей аналогичное Т<сипографскому> Е<евангелию> употребление ижицы в виде Ү, представленное тоже значительным количеством примеров, нам до сих пор было известно лишь в Служебных минеях XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 99, 103, 110, 121, 125)” (Гольщенко 2000, 16). В рукописях, изученных В. С. Гольщенко, буква Ү используется как вариант буквы ю, а не только ж (**ѡж**), что позволяет сопоставить их как с Путятиной минеи, так и с более поздним евангелием северо-западного происхождения конца XII–начала XIII в. из Погодинского собрания РНБ № 13, где на лл. 25–100 (треть рукописи) буква Ү использована 257 раз после букв согласных (Колесов 1973, 180).

²³ Указаны только номера листов и строк рукописи, согласно изданию (Мурьянов 1998–2000).

²⁴ “Греч. *τὴν ἐνυλότατον ζῶην γεννήσαα* (MR V, 158) склоняет к тому, чтобы рассматривать **ѡдинаҮпостасьноҮж** как одно слово, а не два (как у Мурьянова)” (Страхов 2000, 214). Однако М. Ф. Мурьянов прочитал текст правильно. Полностью греческий период выглядит так: *με ... πρὸς τὴν ζῶην, Πάναγνε, πάλιν ἐτανήγαγες μόνη τὴν ἐνυλότατον ζῶην γεννήσαα* (MR V, 158); греч. *μόνη* точно соответствует слав. **ѡдина**, а морфемная структура прилагательного **Үпостасьнѡ** удачно отражает семантику греч. *ἐνυλότατος*. Очевидно, редактор ввел в заблуждение паронимическое сходство приставки *ἐν-* и числительного среднего рода *ἓν* “одно”. Ошибка повторена в другой статье: (Страхов 2001, 16).

²⁵ Примеры типа (**въ оуши**) **ѡҮжинѡ** 14об.-14 (от **ѡҮга**, ср. 41-15), **пѡҮль** 75-9 здесь и далее не рассматриваются, так как представляют собой особый тип адаптации грецизмов, в которых на славянской почве происходил переход *и* → *v* в дифтонгах *av*, *ev*; ср. **ѡвжино** 17об.-13.

²⁶ В цитатах из Мар. указывается номер страницы издания и номер строки на странице издания согласно нумерации В. Ягича.

²⁷ В указателе (Ягичъ 1883, 478) эта форма отмечена как **архисоҮнагоҮѡ**; по сообщению А. А. Пичхадзе, полностью сверившей издание В. Ягича с рукописью, ошибка допущена в указателе, в рукописи Мар. (109об.) – **архисҮнагоҮѡ**.

²⁸ В этом написании надстрочный знак может указывать на мягкость предшествующего согласного, как и в написании **т҃Үрѡ** / Зогр. 103 (170-5). Показательно, что

такой знак употребляется в обоих написаниях, с *v* и *ou*, что наводит на мысль о функциональном тождестве графем *v* и *ou*. Получается, что обе буквы могли употребляться безразлично к тембру в пределах слога.

²⁹ Далее в скобках приводится номер страницы сборника, где содержится публикация канона. Первый пример дается по Триоди Моисея Киянина; при необходимости в скобках приводится параллель из Триоди Синодального собрания (Синод.). Греческие параллели цитируются по изданию М. Ф. Мурьянова.

³⁰ Самый ранний пример сочетания *i*u (или *i*u) был отмечен в заимствованном или звукоподражательном имени собственном из новгородской берестяной грамоты № 904 (перв. четв. XII в.): (w) тюткы (къ нѣжатѣ) (Янин, Зализняк 2000, 5). О более раннем примере в исконно славянской лексеме (низъведѣши ѡ вѣ) стюде/ньць (нстѣлѣнню) БСП, 35, см.: (Кривко 2004₁).

³¹ Фамилия *Труфанов* рассматривается и в работе А. Б. Страхова (2001, 21), который также объяснил ее от греческого *Trύφων*, сопроводив свой текст материалом опубликованных рукописных источников. Какие-либо ссылки на предшественников в работе отсутствуют. Заметим, что происхождение фамилий *Труфанов* и *Труханов* от имени *Trύφων* представляет собой не открытие А. Б. Страхова, а тривиальный факт, причем известный не только в академической науке, насколько можно судить по выпущенной издательством “Детская литература” популярной, но весьма полезной и информативной книге Ю. А. Федосюка (1980, 199).

³² Речь идет только о том периоде, от которого до нас дошли памятники письменности, а также о более поздней эпохе.

³³ См. примеч. 11.

³⁴ В указателе неточно – “54. 23” (Ягичъ 1883, 572).

³⁵ А. Б. Страхов (2001, 16), который впервые выявил примеры группы *s*, считал их доказательством употребления буквы *ϥ* как средства сокращенного письма в конце строки. Подсчеты показывают, что такая тенденция действительно просматривается: буква *ϥ* в соответствии с греческим *ov* и славянским *ou* использована в Изборнике 1073 г. тринадцать раз, из них в конце строки – семь раз и перед внутрискрочной точкой – четыре раза.

³⁶ Один пример / *ѡϣϥ* · 480 (143г-7), отмеченный у второго писца Изборника 1073 г., следует рассмотреть отдельно в сопоставлении с формами типа “*ѡϣж* 184614, 185625” (Баранкова и др. 1988, 6). Установлено, что второй писец после *ρ* в два раза чаще использовал *ж* (двенадцать раз), чем *ю* (шесть раз). Буква *ж* использовалась для обозначения фонемы <ш> как после твердых согласных, так и после исконно палатальных, однако написаний с *ou* после букв исконных палатальных, в том числе *ρ*, в Изборнике 1073 г. не отмечено (Баранкова и др. 1988, 6–8). Следовательно, формы типа *ѡϣж* 184в-14 не свидетельствуют об отвердении *ρ*, а буква *ж* здесь выступает как эквивалент *ю*. Что же касается написания / *ѡϣϥ* · 480 (143г-7) вторым писцом Изборника 1073 г., то оно представляет собой единственное исключение из общей закономерности употреблять букву *ϥ* для обозначения фонемы <и> после твердых согласных.

³⁷ Впрочем, если следовать логике А. Б. Страхова, то наличие йотовой протезы можно предположить и в тех случаях, когда грецизмы с *v* в неприкрытом слоге передаются с помощью *ϥ*, что снова обращает наше внимание на утверждение об “элементарной грамотности” в связи с написанием *ѡж* на месте *ϥ* (← *v*) в Путятиной минее: *тѣриѡжпостасно*.

³⁸ Возможно, появление *j* на славянской почве стимулировалось щелевым характером греческого фарингального *γ*, в связи с чем нельзя исключать возможность перехода фарингального щелевого *g* перед *i* в *j* уже в греческом.

³⁹ С употреблением буквы *ϥ* в Изборнике 1076 г. проблема конца строки строго не связана, хотя единичные примеры написания буквы *ϥ* в значении <и> после букв исконно палатальных согласных в конце строки имеются. Они приведены в работе

В. С. Гольшенко (1987), которая не учтена А. Б. Страховым (2001). Тем не менее примеры, приведенные им, позволяют уточнить следующее заключение: “Знак у в соответствии с [u] (из **o*, **u*) употребляется тоже однозначно, но только после букв мягких согласных, в том числе и шипящих, в следующих рукописях: в И 76¹ – опечаливъшу/оумоу 92 об. 4; в И 76² – сътвору 243 об. 2 <...>, боруть / сѧ 244 об. 11” (Гольшенко 1987, 151). Можно заключить, что в Изборнике 1076 г. буква Ү употребляется все же неоднозначно, то есть независимо от тембра слога.

⁴⁰ Заметим, что нашелся трудолюбивый исследователь, который при анализе приемов оформления конца строки в новгородских берестяных грамотах учитывал и длину строк, и количество букв в строках, и количество строк в документе, и целый ряд других факторов, получивших конкретное цифровое выражение (Семенов 2002).

⁴¹ Приписки сделаны киноварью, что еще раз подчеркивает их маргинальный, вспомогательный статус по сравнению с основным текстом.

⁴² Написания типа дѣмоуни, греч. *tà daimónia*, свидетельствуют о влиянии на фонемный облик грецизма основы ном. sg. *δαίμων*, слав. дѣмоунѣ. Поэтому форму дѣмоуни следует связывать не с греч. ном. plur. *tà daimónia*, а со слав. ном. sg. дѣмоунѣ.

⁴³ Исследование рукописи Жития Кондрата показало, “что она была написана в системе одноерового письма (причем обобщенным символом редуцированного здесь являлась буква ѣ). Затем «хвосты» у буквы ѣ в этимологических позициях, где в древнерусском языке звучал [ь], были подчищены, и рукопись обрела двуеровую систему письма” (Миронова 2001, 186).

⁴⁴ В ряд примеров, подтверждавших эту мысль, мной ошибочно были внесены написания типа *вѣса, вѣсѣ, кѣназѣу* (Кривко 1998, 66).

⁴⁵ В этой работе пример *люжнаѧ* 97 ошибочно отнесен к написаниям с исконным ж.

⁴⁶ Вопреки справедливому мнению М. Г. Гальченко, написания *лю/дростинѣ* 79, *осоуцѣствѣнаѧ* 212 также объяснялись А. Б. Страховым (2001, 19) стремлением к экономии места за счет употребления ю вместо оу, хотя в данном случае правильно было бы говорить о ж. Правда, тогда пришлось бы отказаться от идеи конца строки как главного принципа графико-орфографического варьирования, поскольку исследователям древнерусского письма давно известно, что буква ж была более “экономным”писанием по сравнению с ю (Гольшенко 1982, 24, сноска 57).

⁴⁶ Нужно заметить, что буква ж в рукописи РГАДА, ф. 381, № 96 не используется, а значит, для понимания рассмотренных написаний все же нельзя полностью исключать возможность влияния протографа, причем древнерусского, а не сербского (учитывая историю текста декабрьских служебных миней, отражающих древнерусскую правку древнеболгарского текста (Christians 2002)), в котором уже было смешение букв ж и оу.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Асс.	Ассеманиево евангелие: <i>Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3 Slavicus glagoliticus</i> , Т. II, Ed. J. Kurz, Pragae, 1955.
А. феод. землевл. I	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв., ч. I. Изд.: Л. В. Черепнин, Москва, 1951.
Библ. (Рум.)	Библейские книги: Пятикнижие, Книга Иисуса Наввина, Книги пророков, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 28, XVI в.
БСП	Бычковско-Синайская псалтирь: <i>An Early Slavonic Psalter from Rus'</i> , Vol. 1, Photoreproduction. Ed. M. Altbauer, with the collaboration of H. G. Lunt, Cambridge (Mass.), 1978 (предисловие, фототипическое издание петербургской и синайской (Sin. Slav. 6) частей) (Tamanidis 1987, 249–281: фототипическое издание меньшей синайской (Sin. Slav. 6/N) части).

- Зогр. Quattor Evangeliorum codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitani, Ed. V. Jagić (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe), Graz, 1954.
- Ен. Енинский апостол: Мирчев, Кодов 1965.
- Изборник 1073 г. Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Ред.: А. Минчева, Р. Павлова, т. 1. *Изследвания и текст*, София, 1991, т. 2, *Речник-индекс*, София, 1993. Греческий текст: РГБ, ф. 36 (архив Бодянского), карт. 6, № 5 (каллиграфическая копия XIX в. с рукописи: Bibliothèque nationale, Coisl. gr. 120, X с.).
- Изборник 1076 г. Изборник 1076 г. Изд.: В. С. Гольщенко и др., Москва, 1965.
- Ипат. лет. Ипатьевская летопись, *Полное собрание русских летописей*. Т. 2, Москва, 1998.
- КДРС Картотека древнерусского словаря, или Словаря русского языка XI–XVII вв. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).
- Кн. прор. РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 31. Книги 12-ти пророков, частично с толкованиями. XV в.
- Кн. прор.¹ РГБ, ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры, фундаментальное), № 89. Книги 16-ти пророков, с толкованиями. XV–XVI вв. ~1047 г.
- КСДРЯ Картотека словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).
- Лавр. лет. Лаврентьевская летопись, *Полное собрание русских летописей*. Т. 1, Москва, 1997.
- Мар. Мариинское евангелие. Изд.: Ягичъ 1883, рукопись: РГБ, ф. 87 (собр. Григоровича), № 6.
- Мин. дек. Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts: Facsimile der Handschriften CGADA, f. 381, Nr. 96 und 97, Hrsg. von H. Rothe und E. M. Veresčagin, Köln; Weimar; Wien, 1993.
- Мстиславово евангелие Апракос Мстислава Великого. Изд.: Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова, Москва, 1983.
- Пам. кул. цикла Памятники куликовского цикла. Изд.: Б. А. Рыбаков, В. А. Кучкин, Санкт-Петербург, 1998.
- Псалт. толк. Псалтирь с толкованиями св. Феодорита Киррского. РГБ, ф. 256, № 334. XV в.
- Путятина минея Путятина минея: Мурьянов 1998–2000.
- Рог. лет. Рогожский летописец, *Полное собрание русских летописей*. Т. XV, вып. 1, изд. 3-е (стереотипное), Москва, 1965.
- Сав. Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I. Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование. Изд.: О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева, Москва, 1999.
- Сводный каталог Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. Л. П. Жуковская и др. (изд.), Москва, 1984.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–26–, Москва, 1975–2002–.
- СРНГ I Словарь русских народных говоров. Т. I, Москва–Ленинград, 1965.
- Ст. Сл. Старославянский словарь: (по рукописям X–XI вв.), под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Изд. 2-е (стереотипное), Москва, 1999.

ФУНКЦИИ БУКВЫ Ү В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ 355

Супр.	Супрасълски или Ретков сборник, Й. Заимов (увод и коментар на старобългарския текст), М. Капалдо (подбор и коментар на гръцкия текст), София, 1982, т. 1; София, 1983, т. 2.
Унд.	Листки Ундольского: Карский 1904, 572–579.
Фасмер I–IV	Фасмер, М., <i>Этимологический словарь русского языка</i> . Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. 3-е русское изд., т. I–IV, Москва, 1996.
Хрон. Г. Амарт.	Истрин, В. М.: 1920, <i>Хроника Георгия Амартла в древнем славяно-русском переводе</i> , т. 1, Текст, Петроград.
ЭССЯ	<i>Этимологический словарь славянских языков</i> . Праславянский лексический фонд, под ред. О. Н. Трубачева, т. 1–29–, Москва, 1974–2002–.
АНГ IX	Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris. T. IX, Canones maii. Ed. C. Nikas, Roma, 1973.
Georgius Monachus	Georgii Monachi chronicon. Ed. C. de Boor, Vol. I–II, Lipsiae, MCMIV.
Gottesdienstmenäum I	Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil I: 1. bis 8. Dezember. Besorgt und kommentiert von D. Christians, A. G. Kraveckij, L. P. Medvedeva, H. Rothe, N. Trunte, E. M. Vereščagin, Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin, Opladen, 1996 (= <i>Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften</i> 98, <i>Patristica Slavica</i> 2).
LXX	Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes, Ed. A. Rahlfs, Duo volumina in uno, Stuttgart, s. a. (Editio I: 1935).
LXX (Ps.)	Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum auctoritate Academiae Scientiarum Göttingensis editum, Vol. X, Psalmi cum Odis. Ed. A. Rahlfs, 3. unveränderte Ausgabe, Göttingen, 1979.
MR I–VI	Μηναία τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ. T. I–VI, Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.
SJS 1–52	Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–52, Praha, 1958–1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов, А. А.: 1995, 'Комментарии', Унбегаун, Б. О., *Русские фамилии*, 2-е (русское) исправленное изд., Москва, 323–336.
- Баранкова, Г. С. и др.: 1988, 'Изборник Святослава 1073 г.: некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи', *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 3–17.
- Борисенко, В. В.: 2003, 'Славянские палатализации на Балканах (на материале сербского и греческого в сравнении с русским языком)', *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 22–24 января 2003 г.*, Москва, 29–30.
- Вайан, А.: 2002, *Руководство по старославянскому языку*, 2-е русское (стереотипное) изд., Москва.
- Ван-Вейк, Н.: 1957, *История старославянского языка*, Москва.
- Верещагин, Е. М.: 1967, 'К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах', *Советское славяноведение*, вып. 6, 49–58.
- Верещагин, Е. М.: 1967₁, 'К проблеме произношения "фиты" и "ижицы" в старославянских церковных переводах', *Тыталога і гісторія славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літэратур. Тэзісы дакладаў і навідамленняў*, Мінск, 60–63.

- Верещагин, Е. М.: 2001, *Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания*, Москва.
- Гальченко, М. Г.: 2001, *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1996, 'Иноязычная фонетика в русском стихе', Князевская, Т. Б. и др. (изд.), *Русское подвижничество*, Москва, 523–539.
- Гольщенко, В. С.: 1982, 'Немаркированный знак ѣ в ранних восточнославянских рукописях', Котков, С. И., Панкратова, Н. П. (изд.), *История русского языка: (Памятники XI–XVII вв.)*, Москва, 3–29.
- Гольщенко, В. С.: 1987, *Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв.*, Москва.
- Гольщенко, В. С.: 2000, 'Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме', Молдован, А. М., Калугин, В. В. (изд.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 9–25.
- Гольщенко, В. С., Дубровина, В. Ф.: 1967, 'Введение', *Синайский патерик*, Гольщенко, В. С., Дубровина, В. Ф. (изд.), Москва, 5–36.
- Дурново, Н. Н.: 1924–1927, 'Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка', Дурново, Н. Н.: 2000, *Избранные работы по истории языка*, Москва, 391–494.
- Дурново, Н. Н.: 1926, 'О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах', Дурново, Н. Н.: 2000, *Избранные работы по истории языка*, Москва, 685–689.
- Дурново, Н. Н.: 1927, 'Рец. на: [Д-р. Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језична испитаванѝа о Мирослављевом јеванђелу. Сремски Карловци, 1925]', Дурново, Н. Н.: 2000, *Избранные работы по истории языка*, Москва, 708–718.
- Жуковская, Л. П.: 1983, 'Апракос Мстислава Великого – рукопись конца XI (рубежа XI–XII века)', Жуковская, Л. П. (изд.), *Апракос Мстислава Великого*, Москва.
- Зализняк, А. А.: 1995, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Зализняк, А. А.: 1999, 'О древнейших кириллических алфавитах', Вигасин, А. А. и др. (изд.), *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*, Москва, 543–576.
- Зализняк, А. А., Янин, В. Л.: 2001, 'Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси', *Вопросы языкознания*, вып. 5, 3–25.
- Зиндер, Л. Р.: 1979, *Общая фонетика*, Москва.
- Илчев, П., Велчева, Б.: 1995, 'Ижица', *Кирило-Методиевска енциклопедия 2*, София, 49–50.
- Истрин, В. М.: 1994, *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*, Москва.
- Калугин, В. В.: 2003, "Житие святителя Николая Мирликийского" в рукописи князя Андрея Курбского, Москва.
- Карский, Е. Ф.: 1899, 'Надпись Самуила 993 г.', Карский, Е. Ф.: 1962, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, 565–568.
- Карский, Е. Ф.: 1904, 'Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в.', Карский, Е. Ф.: 1962, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, 569–603.
- Карский, Е. Ф.: 1979, *Славянская кирилловская палеография*, Москва.
- Касаткин, Л. Л.: 1999, *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*, Москва.
- Колесов, В. В.: 1973, 'Праславянская фонема /ǫ/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем', *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, 1973 г.). Доклады советской делегации*, Москва, 170–196.
- Колесов, В. В.: 1980, *Историческая фонетика русского языка*, Москва.
- Конески, Б.: 1989, 'Света Гора и старословенските ракописи', *Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа в развитокот на славенката просвета*, Скопје, 97–100.

- Кривко, Р. Н.: 1996, 'Бычковско-Синайская Псалтирь как источник по истории славянской Псалтири', *Религия и Церковь в культурно-историческом развитии русского Севера (К 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца)*, т. 2, Киров, 30–35.
- Кривко, Р. Н.: 1998, 'Древнерусская орфография XI–начала XII века в свете суперсегментных тембровых оппозиций', *Вопросы языкознания*, вып. 2, 60–79.
- Кривко, Р. Н.: 1998₁, *Бычковско-Синайская псалтирь как источник по истории русского языка*, Диссертация ... канд. филол. наук, Москва.
- Кривко, Р. Н.: 1998₂, *Бычковско-Синайская псалтирь как источник по истории русского языка*, Автореферат диссертации ... канд. филол. наук, Москва.
- Кривко, Р. Н.: 2004, 'Бычковско-Синайская псалтирь', *Православная энциклопедия* 6, Москва (в печати).
- Кривко, Р. Н.: 2004₁, 'Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. Г', *Русский язык в научном освещении* 8 (в печати).
- Крысько, В. Б.: 1999, 'Рецензия на: [Путятин Миня за май / Подготовка текста и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А. Б. Страхова, *Palaeoslavica*, Vol. 6, 1998, 114–208]', *Russian Linguistics* 23, 223–232.
- Крысько, В. Б.: 2001, 'Miscellanea palaeorossica', *Papers in Slavic, Baltic and Balkan Studies* (= *Slavica Helsingensia* 21), Helsinki, 101–113.
- Кудрявцев, Ю. С.: 2002, 'К методике филологического анализа в русской исторической фонетике', *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII: Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика*, Тарту, 87–98.
- Махарадзе, Н. А.: 1979, *Вопросы произношения греческого языка византийского периода*. Автореферат диссертации ... канд. филол. наук, Тбилиси.
- Медынцева, А. А.: 2000, *Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X–первой половины XIII века*, Москва.
- Миронова, Т. Л.: 2001, *Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв.*, Москва.
- Мирчев, К., Кодов, Х.: 1965, *Енински апостол*, София.
- Мурьянов, М. Ф.: 1989, 'Из истории древнерусского ономастикона', *Религии мира. История и современность. 1987*, Москва, 191–213.
- Мурьянов, М. Ф.: 1998–2000, 'Путятин Миня на май. Подготовка текста и параллели', *Palaeoslavica* 6, 130–192; 7, 140–206; 8, 127–211.
- Невоструев, К. И.: 1997, 'Исследование о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века', *Мстиславово евангелие XII века. Исследования*, Москва, 5–649.
- Осипов, Б. И.: 1972, *История русского письма*. Диссертация ... доктора филол. наук, Ленинград.
- Погорѣловъ, В.: 1910, *Чудовская Псалтирь XI в.*, Санктъ-Петербургъ.
- Поливанов, Е. Д.: 1931, 'Фонетика интеллигентского языка', Поливанов, Е. Д.: 1968, *Статьи по общему языкознанию*, Москва, 225–235.
- Селищев, А. М.: 2001, *Старославянский язык*, 2-е изд. (стереотипное), Москва.
- Семенов, А. И.: 2002, *Графико-орфографические явления конца строки в новгородских грамотах на бересте XI–XV вв.* Автореферат диссертации ... канд. филол. наук, Москва.
- Симић, П.: 1976, 'Требник српске редакције XIII века', *Српска Академија наука и уметности. Одељење језика и уметности. Зборник историје књижевности* 10 (*Стара српска књижевност*), Београд, 53–87 (+ IV).
- Соболевский, А. И.: 1882, 'Какъ произносилась въ древней Руси ү (ижца) после согласныхъ?', *Русский филологический вѣстникъ* 7, 242–243.

- Соболевский, А. И.: 1883, 'Рец. на: [А. Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ]', *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* **227**, 137–159.
- Соболевский, А. И.: 1887, 'Кирилловская часть Реймсскаго Евангелія', *Русскій филологическій вѣстникъ* **18**, 143–150.
- Соболевский, А. И.: 1894, 'Изъ исторіи русскаго языка', *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* **296**, 22–34.
- Соболевский, А. И.: 1901, 'Изъ исторіи русскаго языка', *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* **337**, 396–409.
- Соболевский, А. И.: 1907, *Лекціи по исторіи русскаго языка*, Москва.
- Страхов, А. Б.: 2000, 'Текстолого-палеографический комментарий к Путятинной Минее', *Palaeoslavica* **8**, 212–221.
- Страхов, А. Б.: 2001, 'Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования', *Palaeoslavica* **9**, 5–71.
- Тодоров, А.: 1990, 'Псалмы новой части Бычковской псалтири', *Palaeobulgarica = Старобългаристика* **14**, вып. 1, 49–71.
- Тот, И. Х.: 1985, *Русская редакция древнебългарского языка в конце XI–начале XII вв.*, София.
- Унбегаун, Б. О.: 1995, *Русские фамилии*, 2-е (русское) исправленное изд., Москва.
- Фасмеръ, М.: 1907, 'Греко-славянскіе этюды. II. Греческія заимствования въ старославянскомъ языкѣ', *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* **12**, кн. 2-я, 197–289.
- Фасмеръ, М.: 1909, *Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствования въ русскомъ языкѣ* (Отдѣльный оттискъ), Санктъ-Петербургъ.
- Федосюк, Ю. А.: 1980, *Русские фамилии: популярный этимологический словарь*, 2-е изд., Москва.
- Христова, В.: 1991, 'Бичковски псалтир. Текст. Индекс на словоформите', *Годишник на Софійския университет "Климент Охридски". Факултет по слав. филол. Езикознание* **79** (2), 49–71.
- Чернышева, М. И.: 1994, 'Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы', Истрин, В. М., *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*, 402–462.
- Янин, В. Л., Зализняк, А. А.: 2000, 'Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г.', *Вопросы языкознания*, вып. 2, 3–15.
- Ягичъ, В.: 1883, *Quator Evangeliorum codex Marianus glagoliticus*, Берлинъ, Санктъ-Петербургъ.
- Bartoněk, A.: 1966, *Development of the Long-vowel System in Ancient Greek Dialects*, Praha.
- Brown, F.: 1999, *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an Appenix Containing the Biblical Aramaic*, F. Brown with the cooperation of S. R. Driver and C. Briggs. 4th printing (reprinted from the 1906 edition), Peabody (Mass.).
- Christians, D.: 2002, 'Von der Nachahmung der Form zur wortgetreuen Übersetzung des Inhalts. Übersetzungsprinzipien in der altslavischen Menäentradition', *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11 Mai 2001*, Münster, 41–55.
- Diels, P.: 1932, *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, Heidelberg.
- Dostál, A.: 1959, *Clocianus: Staroslověnský hlalholský sborník tridentský a imsbucký*. K vydání připravil A. Dostál, Praha.
- Follieri, H.: 1960, *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae I (A–Z)*, Città del Vaticano.
- Grannes, A., Hauge, K. R., Süleymanoğlu, H.: 2002, *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*, Oslo.
- Hatzidakis, G. N.: 1892, *Einleitung in die neugriechische Grammatik*, Leipzig.
- Jurewicz, O.: 1992, *Grammatyka historyczna języka greckiego: Fonetyka – fleksija*, Warszawa.

- Liddell, H. G., Scott, R.: sine anno, *A Greek-English Lexicon*, A New Edition . . . , Vol. I–II, Oxford.
- Lunt, H. G.: 1955, *Old Church Slavonic Grammar*, The Hague.
- Macharadze, N. A.: 1980, 'Zur Lautung der griechischen Sprache der byzantinischen Zeit', *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* **29**, 145–158.
- Marti, R.: 1999, 'Abecedaria – a Key to the Original Slavic Alphabet: the Contribution of the Abecedarium Sinaiticum Glagoliticum', *Thessaloniki, Magna Moravia: Proceedings of the International Conference Thessaloniki 16–19 October 1997*, Thessaloniki, 175–200.
- Marti, R.: 2000, 'Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica', Miklas, H. (Hrsg.), *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 54–76.
- Miklas, H.: 2002, 'Zum griechischen Anteil am glagolitischen Schriftsystem des Slavenlehrers Konstantin-Kyryll', *Palaeoslavica* **10** (1): *For Prof. I. Ševčenko on his 80th Birthday*, 281–311.
- Nuorluoto, J.: 1994, *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung*, München.
- Nuorluoto, J.: 1995–1996, 'Besaß die Urglagolica Digraphen?', *Croatica* **42–44**, 303–322.
- Popovskij, J.: 1989, *The Pandeks of Antiochus. Slavic Text in Transcription*, Amsterdam.
- Rahlfs, A.: 1979, 'Prolegomena', LXX (Ps.), 10–80.
- Škaljić, A.: 1973, *Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom*, Sarajevo.
- Tarnanidis, I. C.: 1988, *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*, Thessaloniki.
- Tkadlčík, V.: 1956, 'Trojí hláholské i v Kijevských listech', *Slavia* **25**, 200–216.
- Trubetzkoy, N.: 1954, *Altkirchenslavische Grammatik*, Wien.
- Veder, W. R.: 2000, 'Das glagolitische Alphabet der Azbučna Molitva', Miklas, H. (Hrsg.), *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 77–87.
- Worth, D. S.: 1999, 'Slavonisms and Slavonisms', Вигасин, А. А. и др. (изд.), *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*, Москва, 600–613.

Институт русского языка
 им. В. В. Виноградова РАН
 Москва
 rkrivko@yandex.ru